

Евгений Белогорский

ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА!

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Евгений Белогорский
Во славу Отечества!

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Белогорский Е. А.

Во славу Отечества! / Е. А. Белогорский — «Издательство АСТ»,
2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113431-0

Благодаря мужеству и решительности капитана Покровского, командира одного из блокированных на подступах к столице воинских эшелонов, батальонам Корнилова удастся прорваться к столице и низложить Временное правительство Керенского. Став Верховным правителем России, генерал Корнилов сумел остановить разложение армии и стабилизировать положение на фронтах. Впереди отражение попытки немцев высадить десант в Моонзунде и разгром противника на Кавказе, а у флота цель – Босфор и Стамбул.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113431-0

© Белогорский Е. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Белогорский **Во славу Отечества!**

Героям Отечественной войны 1914 года

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 150

Оформление *Владимира Гуркова*

© Евгений Белогорский, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Долгое время тема Первой мировой войны и участия в ней России если не была под запретом, то по крайней мере старательно оттеснялась на второй план, подобно малозначащему событию. Как у советских историков, так и у сменивших их демократов, Отечественная война 1914 года в учебниках истории описывается крайне сжато и поверхностно, как скромная предтеча двух революций и Гражданской войны, действие которых неизменно описывалось с большим вниманием, смещая минусы и плюсы этого события в зависимости от политических предпочтений автора.

Все военные неудачи русской армии объяснялись ограниченностью царя, тупостью его генералов и полной технической отсталостью страны. При этом старательно затушевывались успехи русского оружия на Кавказе, наступление в Галиции 1914 года и знаменитый Брусилловский прорыв, деяние, подобным которому не могли похвастаться западные союзники ни до, ни после его свершения.

Господа историки старательно замалчивали о славных деяниях простых солдат и офицеров, которые из-за нехватки патронов и снарядов были вынуждены отходить летом 1915 года, под натиском многократно превосходящих сил германского рейхсвера. Отступая из-за угрозы неминуемого окружения, непрерывно сражаясь с наседающим врагом, русские солдаты и офицеры сотворили настоящий подвиг. Они смогли остановить рвущегося врага на западных рубежах Прибалтики, Белоруссии и Украины, не допустив дальнейшего продвижения врага в глубь страны, подобно тому, как это было потом в 1941–1942 годах.

К началу 1917 года Россия смогла самостоятельно ликвидировать снарядный и патронный голод, наладить массовый выпуск различных видов не только стрелкового вооружения, но и даже таких, как броневики, бронепоезда и аэропланы. Полностью отказавшись учитывать интересы западных союзников, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев в предстоящей кампании намеревался реализовать те стратегические планы страны, которые предполагалось исполнить летом 1914 года и которые были свернуты под нажимом западных союзников.

Алексеев предполагал силами Черноморского флота провести Босфорскую операцию по захвату Стамбула, а также начать генеральное наступление против Австро-Венгрии с одновременной активностью армий Западного и Северного фронтов, с целью нейтрализации действий германских войск. В результате предполагаемых операций кайзеровская Германия лишалась двух, а то и трех своих стратегических союзников, что делало бессмысленным дальнейшее ведение войны. Начни Россия свое наступление, и война могла бы закончиться на год раньше, осенью-зимой 1917 года, а не 1918-го, как это было в действительности. О том, что русскую армию ожидал успех, свидетельствуют первичные результаты летнего наступления генерала Брусилова, которое было сорвано в результате отказа революционных комитетов продолжать наступление.

Перед началом кампании 1917 года у России было всё: и свежие, хорошо вооруженные армии, и флот, который получил пополнение в виде двух линкоров, но все планы были перечеркнуты жирным крестом февральской революцией. Причина, её породившая, заключалась в удачном слиянии интересов большого капитала и господ думских либералов, действия которых были поддержаны генералами, решившими избавиться от своего Верховного Главнокомандующего в лице царя Николая II.

Главной повивальной бабкой второй русской революции была британская разведка. Её причастность к событиям в Петрограде в феврале 1917 года сегодня нехотя, сквозь зубы признают как наши, так и западные историки. Усиление России после окончания войны было крайне невыгодно для Британской империи, поскольку, согласно секретным договоренностям,

неоднократно подтвержденным в ходе войны союзниками, к русским отходили черноморские проливы. Это было главным условием участия России на стороне Антанты, что коренным образом изменяло бы всю геополитическую обстановку мира, и этого Лондон допустить никак не мог.

Под пафосный разговор о присоединении страны к демократическим ценностям господ болтуны во главе с Керенским полностью лишили Россию армии и флота, которые стремительно деградировали с каждым месяцем наступившей свободы, быстро превратившейся в вольницу.

Августовский путч генерала Корнилова мог, с определенным скрипом и кровью, кардинально изменить внутреннее положение в Петрограде с введением временной военной диктатуры. Лавр Георгиевич был хорошо известен в войсках, и именно благодаря его жестким мерам германский фронт не развалился под напором рейхсвера, как он позорно развалился потом, в феврале 1918 года.

Однако в дело вновь вмешались британцы, которые сначала поддержали действия Корнилова по установлению твердой власти в стране, а после того как генерал отдал приказ о выдвижении верных ему войск на Петроград, немедленно переключились на поддержку Керенского. Итог августовского путча – арест Корнилова и полная деморализация русской армии. Через два месяца последовал октябрьский переворот, и страна погрузилась в кровавую трясиину Гражданской войны.

Все это позволило господам союзникам с чистой совестью не платить по старым долгам и обязательствам России, и кровь миллионов русских солдат, павших на полях сражений, оказалась напрасно пролитой. Верхом цинизма и беспринципности союзников был их отказ эмиссарам Белого движения в праве участия на Версальской конференции стран-победителей в 1919 году, притом что сама Антанта активно поддерживала Белое движение в борьбе против большевиков. Туда была допущена даже Румыния, которая, так же как и Россия, в 1918 году подписала сепаратный мирный договор с Германией. Эта страна была полностью прощена и даже получила значительное территориальное приращение за счет Болгарии, Австро-Венгрии и России.

Такова подлинная история Отечественной войны 1914 года, о которой даже сейчас, по прошествии почти ста лет с момента её начала, в нашей стране не очень принято вспоминать добрым словом.

Глава I

Думы о былом

Личный адъютант Верховного командующего русскими войсками Лавра Георгиевича Корнилова капитан Покровский неторопливо курил папиросу, стоя в холодном тамбуре литерного поезда. Являясь походной ставкой на колёсах, поезд стоял на одной из боковых веток Могилева, готовый в любой момент развести пары, чтобы незамедлительно доставить генерала в любую точку воюющей России. Заняв пост главнокомандующего русской армии с июля семнадцатого, Корнилов уже успел исколесить на своем литерном поезде почти добрую половину России, желая выполнять свои обязанности как можно лучше.

У капитана ещё было достаточно времени перед началом совещания у командующего, на котором должно было пройти обсуждение положения на фронтах страны, и поэтому, стоя в холодном тамбуре в наброшенной на плечи шинели, он медленно и неторопливо пускал сизые кольца дыма в раскрытое окно.

Солнце уже стремительно проходило свой путь к линии горизонта, щедро окрашивая своими холодными закатными лучами в алые тона огромные снежные сугробы, обильно нанесённые на землю наступившим декабрем.

Шел окаянный 1917 год, который в одночасье перевернул в многострадальной России всё с ног на голову. На глазах у изумленных жителей страны, подобно карточному домику, в одно мгновение рухнула многовековая царская монархия, и Россия стремительно погрузилась в анархию демократии и свободы, вместе с которыми появились произвол и насилие в самой грубой и разнузданной форме. На белый свет вылезли немислимые пороки людской души, лишенной каких-либо элементов сдерживания и ограничений.

Бездумно руководимая Керенским Россия кидалась из одной крайности в другую, бездарно теряя от этих преступных действий людские ресурсы, территории и остатки прежнего уважения к себе. Всё это неизбежно приводило к возникновению вопроса о существовании России как суверенного государства.

Глядя на кровавые отблески солнца, капитан с содроганием вспомнил март месяц, когда в армию из Петрограда пришел тот злосчастный приказ № 1, столь ненавистный впоследствии всеми офицерами фронтовиками. Один листок бумаги за подписью Временного правительства смог нанести действующей армии больше вреда, чем сам германский кайзер, вкупе со всеми своими союзниками, вместе взятыми. И хотя потом премьер-министр Керенский и вся его демократическая камарилья рьяно пытались доказать на многочисленных митингах и собраниях, что данный приказ касался только частей Петроградского гарнизона, черное дело было сделано. Запущенный маховик вольницы начал стремительно набирать опасные обороты.

Этому процессу активно способствовали всевозможные представители и комиссары Временного правительства, которые, как по мановению волшебной палочки, устремились из столицы на фронт, стремясь как можно лучше и полнее разъяснить одетым в серые шинели солдатским массам их права и свободы, подаренные им славной Февральской революцией. Одетые в кожаные тужурки с красными бантами в петлице или на рукаве, голосистые ораторы открывали забитому народу всю правду-матку, которую столетиями скрывали от него царские сатрапы. Одного партийного говоруна-разоблачителя сменял другой, сладко обещая русскому крестьянину скорую райскую жизнь, правда, при этом не уточняя ни размеров благодати, ни сроков её наступления.

От подобных демократических заигрываний перед нижними чинами дисциплина в частях стремительно упала, сводя к полному нулю их боеспособность. Получившие право не подчиняться офицерам солдаты немедленно воспользовались этим даром революционного

правительства для сведения своих старых счетов с командирами. При этом особо злобствовали не фронтовики, которые, находясь на передовой, прекрасно осознавали необходимость порядка и дисциплины на войне, а тыловые части, не желавшие менять свои тёплые места на холодные фронтовые окопы. Они в полной мере воспользовались вновь приобретённым демократическим правом в виде своей винтовки и горла, когда только возникал вопрос о возможной отправке их на фронт.

Их ненависть и злобный кураж над поверженным начальством Алексей Покровский оценил на собственной шкуре, когда вместе с другими офицерами прибыл на маленькую железнодорожную станцию под Псковом для получения под своё командование нового подразделения. Здесь, в этом уголке бывшей Российской империи, а теперь свободной республики, царила полнейшая «демократия», в которой реальной властью были войсковые комитеты различных мастей, не желавшие более воевать.

Именно такая толпа людей, по ошибке одетая в военную форму, встретила господ офицеров на вокзале, решив раз и навсегда снять вопрос о своей отправке на фронт. Как выяснилось позже, тыловиков заботливо предупредили петроградские доброжелатели, выслав в запасные части телеграмму, сообщавшую солдатским комитетам о планах командования по изменению их дислокации.

Верховодившие в комитетах горлопаны моментально доказали отнюдь не равнымся в бой солдатам, что всё зло заключается только в офицерах, которые должны прибыть на станцию для исполнения приказа командования.

– Предатели генералы прежнего режима вновь хотят подставить нас под немецкие пули, как безмолвную скотину, – изливали душу ораторы из комитета, едва телеграмма была доставлена по назначению, – разве не мы свергли царя с его сатрапами, втянувшими Россию в эту кровавую бойню. Разве не наши штыки подарили свободу всем жителям нашей страны от мала до велика. И в благодарность за это нас хотят направить на фронт! Мы свободные люди и не желаем больше быть пушечным мясом по приказу их благородий! Покажем господам офицерам нашу солдатскую силу!

Охваченные этим «благородным порывом», тыловики дружно повалили в сторону вокзала для «теплой встречи их благородий», здраво рассудив, что если не будет людей, присланных с приказом, то и не будет проблем. Как только прибывшие офицеры сошли с подножки поезда и двинулись по перрону, к ним моментально подлетели солдатские представители и, подхватив ошарашенных и ничего не понимающих людей под руки, потащили к кирпичной стенке ближайшего пакгауза. Пораженные подобным обращением с ними своих же солдат, офицеры почти не сопротивлялись, поскольку происходившее событие казалось каким-то чудовищным наваждением. Покровский с ужасом отмечал, что подобное обращение с офицерами для жителей этой станции было уже привычным явлением, подобно некому весёлому развлечению в их серой будничной жизни.

– Офицеров ведут, подариков тянуть! – звонко голосили станционные мальчишки, созывая своими криками всех присутствующих на вокзале и его окрестностях. Раззадоренная столь шумным приглашением толпа энергично валила к стенам пакгауза, образуя большое разномастное сборище зевак, на чью долю выпала возможность поглазеть на бесплатное развлечение. Уподобляясь толпе зрителей в древнем Риме, пришедших посмотреть гладиаторские бои, они пришли насладиться новым представлением, которым их щедро одаривала демократическая Россия. Люди, жизнь которых вот уже три года защищал Покровский, без всякого страха и смущения ждали возможности повеселиться над своими защитниками. Задержавшие офицеров солдаты моментально ощутили мощную поддержку со стороны говорливой толпы и, войдя во вкус, стали разыгрывать представление под названием «справедливый солдатский суд».

Первый, кому довелось испытать на себе его праведную руку, оказался подпоручик Мокриевич. Двое отъездившихся запасников, нещадно дышавших в лицо своей жертве чудовищной

смесью из водочного перегара, лука и кислых щей, ловко вывернув Мокриевичу руки, со всего маха бросили подпоручика к ногам чернявого солдатика, чью хилую грудь украшал большой красный бант, неизвестно из чего изготовленный.

– Что, вашбродь, приехали! – визгливо закричал «судья» офицеру, которого подручные заставили встать на колени, – сейчас с тобой расчет будем производить за всю нашу кровь и пот, которые ты пудами выпил из нашего солдатского брата.

Хлестко и истерично ударяя себя в грудь, солдатик все больше и больше распался от собственного визгливого крика, возводя на бедного Мокриевича одно обвинение страшнее другого. Подобная манера поведения однозначно выдавала в нем представителя криминального мира, которые в большом количестве были выпущены на свободу февральской демократией и активно влились в тыловые части, представляя себя истинными жертвами царизма. Чувствуя себя как рыба в воде, они легко пролезали в низовые солдатские комитеты, подбивая тех к полному неповиновению своим командирам и поискам правды жизни в виде грабежа винных складов или зажиточных людей, объявляя последних немецкими пособниками. Доведя свою истерику до последней звуковой планки, которую позволяли взять его полностью прокуренные легкие, чернявый с силой ударил подпоручика в грудь ногой и пригрозил немедленной смертью, если он сейчас же не снимет свои погоны и не попросит прощения перед солдатами, которых якобы собирался вести под германские пули.

Мокриевич совсем недавно получил офицерские погоны, пройдя ускоренную офицерскую подготовку в тылу, и по сути дела еще не был полноценным командиром. Поэтому он легко сломался и под радостный вой толпы сорвал с себя золотые погоны, бросив их к ногам чернявого, а затем принялся истово молить о прощении.

– Ну что, простим господина офицера, – взвизгнул «судья», и в ответ получил одобрительные крики толпы, – пошел вон, вашбродь, и больше не смей обижать солдатухек.

Бывший подпоручик молнией взлетел с колен и, пригнувшись, бочком ринулся вдоль стены пакгауза на свободу. Пробежав несколько шагов, он шумно упал, снова вскочил и под улюлюканье и язвительные крики зевак бросился прочь. Довольная показанным представлением толпа радостно загудела и приготовилась к новому зрелищу.

Следующим был штабс-капитан Булыга, которого дюжие хлопчики уже резво тащили к чернявому трибуну для свершения нового справедливого приговора.

– Поучите, братцы, господина офицера хорошим манерам, – взвизгнул комитетчик, и в тот же момент к Булыге подскочило несколько солдат, которые обрушили на него град ударов и затрещин, завершив свое воспитание смачным плевком в лицо, что вызвало всеобщий хохот в рядах собравшихся.

– Не журишь, пан офицер, отдай честь по-хорошему, – уговаривал Булыгу один из обидчиков, ловко нанеся при этом удар сапогом по голени офицера, отчего тот жалобно вскрикнул и буквально рухнул одним коленом на площадную брусчатку.

Громкий гул одобрения пронесся над площадью, многие из стоявших людей кричали штабс-капитану:

– Сними, сними, сними!

Новый град побоев окончательно сломил Булыгу, и с криком: «Да подавитесь ими!» – он последовал примеру Мокриевича и содрал с себя погоны. Прагматик по натуре, он решил пожертвовать малым, но сохранить жизнь, поскольку разгоряченная толпа солдат уже стала показывать, как она подденет упирающегося офицера на свои штыки.

– Всыпьте его благородию двадцать шомполов и гоните его в шею! – приказал чернявый, чем вызвал новый одобрительный гул собравшейся толпы. Радостные солдаты моментально завалили Булыгу на землю и под радостные выкрики зевак исполнили приказание «судьи». Все громко считали количество ударов шомполом, отчего толпа заводилась всё больше и больше. Вид крови на спине офицера только раззадорил людей, которые жадными глазами глядели

на Покровского, единственную жертву, оставшуюся у стенки пакгауза. Капитана оставили на закуску, по достоинству оценив его чин и орден Владимира третьей степени, украшавший его грудь.

– А подать сюда господина капитана! – воскликнул вожак, чем вызвал взрыв хохота и глумления в рядах собравшихся. Однако на этот раз у комитетчика вышел конфуз. Покровский оказал бешеное сопротивление: ударом в ухо сбил на землю одного из конвоиров и заехал локтем в живот другому. Воспользовавшись моментом, он попытался вырвать из цепких рук упавшего солдата винтовку, но не успел и был буквально сметён навалившейся на него кучей тел. Его пинали, топтали, били ногами по голове, но в тесноте это не совсем удачно получалось.

– А ну, братцы, дайте мне эту золотопогонную сволочь! – истошно визжал чернявый, яростно приплясывая возле столпившихся солдат с револьвером в руке. – Он у меня, гад, сам свои погоны съест и в ножки поклонится.

Отведя душу, солдатские мстители с готовностью подчинились голосу комитетчика и, подхватив избитого офицера, подтащили его к «судье». Что тот хотел выкрикнуть в лицо Покровскому, навсегда осталось тайной, поскольку чернявый осекся, встретившись с пылающим жгучей ненавистью взглядом капитана. Он только продолжал яростно трясти наганом перед лицом офицера.

Не дожидаясь, когда к чернявому вернется дар речи, Покровский стремительно откинулся назад и, изловчившись, со всей силы нанес сапогом удар в живот своего мучителя, отчего тот отлетел в сторону и выронил свое оружие.

Истошный вой огласил привокзальную площадь. Согнувшись пополам, чернявый энергично изливал содержимое своего желудка прямо на свои хромовые сапоги. Солдаты вновь навалились на офицера, который яростно сопротивлялся.

– К стенке его, к стенке! – понеслись громкие голоса разъяренных тыловиков, моментально определяя участь Покровского.

Кирпичи депо больно впились в спину капитана, которого солдаты сначала швырнули к красной стене, а затем отодвинулись назад, хищно клацая затворами винтовок. Толпа жаждающих крови людей развернулась полукругом, выставив вперед стволы винтовок. Избитый Покровский, с трудом удерживая равновесие, гордо вскинул разбитое лицо и выкрикнул:

– Стреляйте, стреляйте, сволочи! Сейчас вы увидите, как погибает русский офицер!

– Я сам, я сам расстреляю этого гада! – пронзительно верещал чернявый, ещё не оправившийся от удара, но стремившийся не опоздать свести счета со своим обидчиком. – Расступись, братва, я его лично в расход пушу!

Капитан побелел, как полотно, но, крепко сжав кулаки, уперся ненавидящим взглядом в лица стоявших перед ним убийц. Чернявый уже прорвал строй и выскочил вперед, перекосив от боли свой щербатый рот.

– По врагу революции! – прокричал комитетчик, выкидывая вперед трясущуюся от гнева руку с наганом.

Но судьбе не было угодно оборвать жизненную нить капитана Покровского на этой, богом забытой, станции. Откуда-то сбоку из притихшей толпы зрителей раздался громкий, хлесткий револьверный выстрел, от которого голова чернявого моментально разлетелась, словно спелый арбуз, щедро окропляя кровью стоящих вблизи солдат.

Все зрители, словно зачарованные, смотрели, как комитетчик, ещё мгновение назад мнивший себя вторым после Бога, медленно оседал на грязную, заплыванную подсолнечной шелухой землю. Истошно заголосили бабы, и толпа испуганно шарахнулась в сторону от того места, где велась стрельба. Напуганные появлением реальной смерти, остолбеневшие от её вида, тыловики инстинктивно бросились врассыпную, давя и опрокидывая стоявших рядом людей.

Новые пули неизвестного стрелка продолжали косить тех, кого он мгновенно выбирал себе в жертву, с каждым разом сея новый страх и панику в рядах солдат. От столь быстрой смены событий у Покровского предательски одеревенели ноги, и он, обессиленно привалившись к стене, пытался разглядеть своего избавителя.

Им оказался однорукий инвалид, который, вытянув вперед левую руку, хладнокровно, словно в тире расстреливал ненавистную ему толпу вооруженных мужиков. Стрелок прекрасно знал, что подвергает себя смертельному риску, но он был абсолютно спокоен, только его глаза азартно блестели под козырьком офицерской фуражки.

Покровский не успел как следует рассмотреть своего избавителя, как неожиданно возникшая откуда-то черноволосая девушка вцепилась в жёсткий ворот его шинели и властной рукой поволокла капитана прочь от страшной красной стены, на которой виднелись пулевые отметины от прежних решений солдатского трибунала. Он едва передвигался на вдруг сразу ослабевших ногах, но девушка упорно продолжала тащить его в глубь построек, выгадывая спасительные секунды, пока тыловики ещё не пришли в себя.

Инвалид успел полностью разрядить свой наган и выхватил из кармана второй, когда отбежавшие за пакгауз солдаты открыли нестройный ответный огонь. Неизвестный спаситель Покровского погиб, прихватив с собой шестерых «пламенных революционеров».

Тугой комок перекатился в горле Алексея от этих воспоминаний. Только благодаря помощи Наташи, курсистки из столицы, офицер смог безопасно пересидеть день и ночью покинуть столь негостеприимную станцию.

Появление на фронте генерала Корнилова Покровский встретил с восторгом, видя в нем совершенно нового генерала военного времени, значительно отличавшегося от всех генералов, виденных им ранее. Все офицеры-фронтовики считали за счастье служить в его знаменитой «Стальной дивизии», хотя генерал никому не делал никаких поблажек. Поэтому, когда генерал объявил, что необходимо навести порядок в Петрограде, очистив его от запасных полков, Покровский, ни минуты не колеблясь, отправился выполнять приказ своего главковерха.

Капитан нервно швырнул в ящик с песком погасшую папиросу и тут же закурил новую. Перед его глазами выросла другая картина, оставившая в его жизни не менее глубокую зарубку, чем предыдущая.

Станция, на которой застрял эшелон под командованием Покровского, идущий в направлении Петербурга, или демократического Петрограда, была совершенно не похожа на ту, где капитан чуть было не погиб. Но что-то совершенно неуловимое моментально напомнило офицеру о прошлом, едва он спрыгнул на землю с подножки поезда. Капитан только мазнул взглядом по красной стене пакгауза и моментально приготовился к всевозможным неприятностям, которые не замедлили проявиться во всей красе.

Едва только эшелон прибыл на станцию, как железнодорожники сначала загнали воинский эшелон на запасной путь, а затем, отцепив паровоз, угнали его в неизвестном направлении. Подобные действия были столь неожиданными для военных, что они вначале ничего не поняли, а когда спохватились, то было уже поздно.

Отправившийся за разъяснениями касательно подобных действий относительно их эшелона к начальнику станции, штабс-капитан Саблин получил дерзкий по содержанию и маловразумительный ответ. Полный торжественности и важности от всего происходящего, начальник станции сообщил, что, по личной просьбе премьер-министра Керенского, профсоюз железнодорожников принял решение не пропускать далее все воинские эшелоны, идущие с фронта на Петроград. Напрасно Саблин шумел и махал руками перед лицом несговорчивого собеседника. Тот стоял подобно гранитной скале, о которую разбивались все слова и доводы офицера. И чем больше он говорил, тем увереннее себя чувствовал новоявленный спаситель Отечества и демократических идеалов. Он в категорической форме отказал Саблину в возможности свя-

заться как со Ставкой Корнилова, так и с генералом Крымовым, который, со слов железнодорожника, прочно застрял в Луге.

Неизвестно, чем бы закончилась их беседа, если бы в тот момент лихой телеграфист не принял срочную депешу из Питера, которую сразу же протянул начальнику станции. Тот прочел ее с видом Наполеона, и торжествующая улыбка озарила его лицо:

– Все воинские части, движущиеся на столицу по приказу Корнилова, объявлены мятежниками и подлежат немедленному разоружению. Любое неповиновение распоряжениям Временного правительства приравнивается к государственной измене, и будет караться по всей строгости военного времени.

Произнеся эту тираду, железнодорожник величественно бросил телеграфную ленту на стол и, наставительно стуча пальцем по дереву, изрек:

– В вашем распоряжении полчаса, господин штабс-капитан, после этого вы объявляетесь бунтовщиками, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Все эти новости, вместе с приложенной змейкой телеграфной ленты, растерянный Саблин доложил Покровскому, у которого от злости заходили желваки и кровь бросилась в лицо. Капитан вновь почувствовал себя жалкой игрушкой в руках грязных политиков, во главе с «душкой» Керенским. Откуда-то неудержимо подул холодным ветерком мартовских передряг, от одних воспоминаний о которых Покровский непроизвольно заскрипел зубами.

– Что будем делать, Алексей Михайлович? – с тревогой спросил Саблин, пытливо вглядываясь в лицо своего командира. Он не был трусом, за его спиной был целый год фронта, но стать в одно мгновение не по своей воле изменником родины штабс-капитан был не готов.

Покровский растерянно наматывал на кулак бумажную ленту со страшным известием, сосредоточенно думая о чём-то своем. Перед его глазами в один момент пронеслась вся его станционная одиссея во всех подробностях. Это, подобно запаху нашатырного спирта, враз привело офицера в чувство. Приняв окончательное решение, он энергично вскинул голову и твердо произнес:

– Что будем делать? Не знаю, как вы, а я собираюсь выполнять ранее полученный приказ. Из этой писульки господина Керенского следует только одно: крайне необходимо навести порядок в Петербурге и пересажать всю эту сволочь в Петропавловку.

– Но это предательство, господин капитан.

– Предательство, мой милый Сергей Борисович, бездумно выполнять все требования этой взбесившейся министерской камарильи, которые говорят одно, думают другое, а делают третье и при этом ни за что не отвечают. Оказывается, мы с вами их вчера неправильно поняли, когда грузились в вагоны по просьбе славного Александра Федоровича, который называл нас спасителями Отечества. А сегодня этими спасителями оказываются железнодорожники ВИК-ЖЕЛя¹, которым после случая с остановкой царского поезда можно всё! – Покровский яростно сплюнул под ноги и продолжил: – Эти тыловые крысы возомнили себя черт знает кем, получив данную писульку из Зимнего. Они предлагают нам сдаться, они, знающие, что такое фронт, только из газет да со слов всяких тыловых прощелыг, засевших на складах и рассуждающих о войне в кабаках и салонах. Кто! Скажите, кто будет нас разоружать в случае нашего неповиновения? Столичный гарнизон, который как черт ладана боится одного упоминания о фронте и в первую же неделю свободы добыл у Керенского охранную грамоту от отправки на фронт? Эти новые преторианцы русской демократии?

– Однако наступать на Петроград силами двух с половиной батальонов и одной артбатареи – это авантюра, Алексей Михайлович!

– А сидеть, подобно молодой девице, оказавшейся в интересном положении, и надеяться, что все рассосётся, – это не авантюра? Когда немцы взяли Ригу, и совершенно неизвестно,

---

¹ Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза.

во что всё это выльется... Только из-за этого Лавр Георгиевич не смог лично возглавить этот поход. Будь он с нами, мне бы не пришлось приводить вас в чувство, как кисейную барышню.

– Господин капитан! – возмущенно воскликнул Саблин, но Покровский только недовольно махнул рукой.

– Я знаю вас как боевого офицера и только поэтому веду с вами эту беседу. Как командир эшелона, я полностью беру на себя всю ответственность за происходящее и прошу вас только об одном: четко и твердо выполнять все мои приказы. Вопросы есть?

– Никак нет, господин капитан!

– Тогда будем считать вопрос исчерпанным, пойдете к людям.

Покинувшие свои вагоны солдаты с любопытством смотрели на своих командиров в ожидании разъяснений своей длительной остановки. Вблизи них уже собралось несколько человек из местных жителей, желающих поглазеть на гостей.

– Становись! – громко отдал приказ капитан, и пехотинцы быстро выстроились в линию перед капитаном, ожидая дальнейших приказов командира. Покровский неторопливо прошелся вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица стоявших перед ним воинов. Все они были собраны и подтянуты, без тени смущения и страха, что приятно радовало его взгляд.

– Солдаты, фронтовики! Только что я получил новый приказ генерала Корнилова, – Покровский потряс в воздухе кулаком с телеграфной лентой, – положение в самом Петрограде резко изменилось в худшую сторону. Идёт мерзкая грызня за власть между столичным Советом и премьером Керенским. Только благодаря этой анархии, немецким шпионам, купив верхушку профсоюза, удалось организовать саботаж на железной дороге. Продавшись за вражеское золото, ВИКЖЕЛЬ приказал не пропускать в столицу наши войска, посланные Корниловым для наведения порядка в Петрограде. Всё это, вместе с недавним взятием немцами Риги, создает страшную угрозу для всей нашей страны. Из-за этого генерал Корнилов не может покинуть Ставку, опасаясь полного развала Северного фронта. Он лично просит каждого из солдат нашего эшелона полностью выполнить ранее отданный им приказ и спасти наше многострадальное Отечество. Сейчас всё зависит только от каждого из нас, и никого другого! Все наши части разбросаны от Пскова до Луги, отрезанные друг от друга, вследствие измены железнодорожников. Поэтому сейчас мы можем рассчитывать только на самих себя! Согласно приказу Лавра Георгиевича, со всеми лицами, уличенными в саботаже и вредительстве, следует поступать по законам военного времени. Всем ясно?

– Так точно, господин капитан! – дружно пронеслось по шеренгам, все фронтовики страшно не любили столичных тыловиков, справедливо считая их захребетниками и лодырями.

– Тогда приказываю выставить боевое охранение вблизи эшелона и задерживать всех посторонних лиц, которые могут попытаться проникнуть в расположение части, особенно для ведения агитации против главковерха. За неповиновение патрулю расстрел на месте! Я вместе с Савельевым отправляюсь к начальнику станции, чтобы как можно быстрее возобновить наше движение. За себя командиром оставляю штабс-капитана Саблина. Обо всех задержанных немедленно докладывать мне лично.

Закончив говорить, Покровский козырнул офицерам и обратился к подскочившему фельдфебелю Савельеву:

– Дорофеич, прикажи установить пулемет напротив водокачки и вместе с первым взводом подходи к начальнику станции.

Двигаясь к зданию вокзала, капитан совершенно не предполагал, как он сможет достойно выйти из сложившегося положения, однако Покровский был полностью уверен, что выполнит приказ Корнилова. Хлебнув в полной мере чашу унижения, фронтовик не собирался пасовать перед тыловым чиновником, даже имевшим приказ из столицы.

Железнодорожник ждал Покровского с видом римского триумфатора, принимающего покорность диких варваров. Победа, одержанная профсоюзом железных дорог над слабохарактерным царем в марте месяце, сильно вскружила голову железнодорожным служащим. Начальник станции свято верил в силу столичного приказа, наивно рассуждая, что Покровский будет играть по его правилам. Возможно, будь он генералом, или на худой случай подполковником, тогда бы ожидания железнодорожника оправдались, но Покровский был самой настоящей фронтовой костью, которая всегда несла на себе все тяготы военной жизни.

В служебной половине здания станции находилось ещё два человека: молодой телеграфист и розовощекая девушка, сидевшая на табуретке перед стойкой телеграфного отсека. За секунду до появления капитана они вели страстную беседу, бросая друг на друга многозначительные взгляды.

– Немедленно связь со ставкой главковерха, – приказал Покровский, глядя прямо в глаза юноши.

Тот покрылся красным пятнами, суетливо одернул свой мундир и тонким, звенящим от волнения голосом произнес:

– Согласно приказу начальника станции, связь между воинскими эшелонами запрещена.

– Я отменяю приказ начальника станции, – спокойно произнес капитан, так, как будто речь шла о чём-то простом и повседневном, – вызывайте генерала Корнилова.

Телеграфист, поймав восторженный взгляд предмета своего обожания, энергично тряхнув головой, выдал Покровскому:

– Мы не выполняем приказов бунтовщиков и предателей революции. Вам лучше сдаться, господин капитан, дабы не усугублять и без того свое незавидное положение.

За столь пафосные слова телеграфист был вознагражден новым пылким взглядом своей подруги.

– Все ясно, – весело произнес капитан и, подмигнув понимающим взглядом, спросил телеграфиста: – Твоя?

Пока юноша ещё решал, как достойно ответить нахальному солдафону, Покровский обернулся к пришедшим вместе с ним солдатам и приказал:

– Ну-ка, ребяташки, отведите эту красавицу в первый вагон.

Телеграфист тревожно пискнул и попытался помешать исполнить приказ капитана, но, натолкнувшись на кулак офицера, моментально сложился пополам, навалившись своим телом на откидную крышку деревянного барьера. Отчаянно пытаясь ухватить ртом спасительный воздух, он со слезами на глазах глядел, как грубые солдатские руки тащили куда-то прочь его любимую, которая слабо пыталась сопротивляться и только жалобно кричала ему:

– Митя, Митя!

– Ну что ты, что ты, Митя, – дурашливо говорил капитан, ласково удерживая в своих руках дёргающегося телеграфиста, – дело-то житейское. Засохли, понимаешь, мои орлы от фронтовой жизни, совсем засохли. Ну, ты, как мужчина, меня ж понимаешь. А тут девка такая справная: грудь высокая, тело крепкое, сам понимаешь!

Митя попытался освободиться из объятий Покровского, но тот немедленно сильным рывком приложил телеграфиста лицом к тяжелой дубовой панели барьера. Не останавливаясь ни на мгновение, он тут же поднял свою жертву, радостно убедившись, что у телеграфиста разбиты только губы, нос и ничего более. Жестко ухватив несчастного юношу за воротник, капитан приблизил его к себе, глядя на Митю горящим безумным взглядом.

– А там, в вагоне, у меня пятьдесят человек, и уверяю, дорогой, что никто, никто из них не откажется... – говорил он проникновенным голосом, от которого в голове у юноши разом возникли картины, одна ужаснее другой. – Если она выживет после этого, то виноватым будешь только ты, и никто другой.

– Как это?! – отчаянно пискнул сквозь разбитые губы телеграфист, моментально представляя себе еще чудовищнее картину своего будущего.

– А только благодаря твоему упрямству, – холодно бросил Покровский и, не выпуская из рук шею юноши, подтащил его к окну, – гляди, гляди, как её ведут на позор, и всё из-за тебя. Только ты своим дурацким желанием поиграть в большую политику заставляешь меня отдавать невинную девушку на поругание. Но ты можешь её спасти. Я прикажу вернуть её обратно, если ты дашь связь со ставкой.

Телеграфист заколебался, и Покровский безжалостно добавил:

– Смотри, смотри как следует, быть может, в последний раз. Как только её втащат в вагон, я буду уже бессилён.

– Хорошо! Будет вам связь! – хрипло выкрикнул телеграфист.

– Вот и молодец, вот и умница, – капитан оставил юношу и выглянул наружу.

– Свиридов, отставить – веди обратно!

Прошло несколько минут, и телеграфный аппарат извлек из своих недр следующие новости. Всё было гораздо хуже, чем предполагал Покровский. Северный фронт лихорадило, и Корнилов по-прежнему не мог покинуть свою ставку. Корпус генерала Краснова в полном составе плотно застрял под Псковом. Его энергично атаковали антивоенной риторикой агитаторы, стремясь перетянуть на свою сторону рядовой состав. Генерал Крымов отчаянно пытался собрать под Лугой разрозненные силы своей дивизии, чтобы предпринять пеший поход на столицу. Его тоже энергично атаковали эмиссары Временного правительства и большевиков. Единственной радостной вестью была сводка с фронта: 12-я армия сдержала натиск немцев, и они не смогли развить свой успех после взятия Риги.

– Что здесь происходит, милостивый государь? – раздался за спиной Покровского возмущенный, хорошо поставленный начальственный голос. По своей силе и привычке повелевать нерадивыми подчинёнными, он, по военным меркам, был никак не ниже полковничьего уровня, чуть-чуть недотягивая до генеральского положения. Даже стоя спиной к тому, кому принадлежал этот голос, капитан великолепно почувствовал, что в телеграфном зале появилась главная власть этой станции, её царь и бог.

Униженный Митя пугливо сжался на своём стуле, и в его глазах отчётливо были видны два противоречивых по своей природе чувства: страх перед начальством и надежда на свою защиту перед распоясавшимся солдафоном, столь чудовищно разрушившим тихую жизнь маленькой станции.

Однако капитан не удостоил своим взглядом говорившего человека, спешно дочитывая последние слова с бумажной ленты. Начальник станции, а это был именно он, угрожающе засопел, увидев в руках офицера телеграфную змейку, и бросил такой уничтожающий взгляд на Митю, что бедный молодой человек сразу стал меньше ростом.

– Гринев! Почему посторонние пользуются служебным телеграфом! – раскатисто выстрелил начальник станции, буквально испепеляя своим гневным взглядом несчастного юношу.

– Митя здесь совершенно не виноват, многоуважаемый Акакий Никодимович, – дружеским голосом пропел Покровский, аккуратно пряча в карман ленту. Он уже понял, как себя следует вести со своим главным противником, который в демократическом запале, получив телеграмму от самого Керенского, уже ничего на этом свете не боялся, – просто я очень настойчиво попросил его, и, как благородный человек, он не смог отказать мне в этой просьбе.

– Прекратите паясничать, милостивый государь, подобно уличному гаеру, – властно отрезал оскорбленный начальник станции, – и не позорьте мундир офицера, который вы носите. В вашем распоряжении осталось ровно пять минут, после чего вы становитесь контрреволюционером со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Ну, зачем же такие грозные слова, дорогой мой Нил Саватеевич, – продолжал куражиться капитан. Он старательно распялял душу местного властителя, стараясь сбить его важ-

ный государственный тон: – Контрреволюционер, ну какой может быть контрреволюционер из человека, который вот уже три года кормит вшей в окопах во славу нашего Отечества.

– Скоморох, шут балаганный! – бушевал начальник станции, вспоминая все возможные эпитеты, подходящие к данному моменту. Но его гневные излияния были прерваны появлением двух солдат, которые привели обратно дрожащую, словно лист, девушку.

– Прекрасно! – радостно воскликнул капитан, указав рукой на пустой стул возле конторки телеграфиста. – Митя, очень прошу вас, как истинного джентльмена, позаботиться об этом милом создании, тем более ведь ради неё вы так пострадали. Я на вас очень надеюсь... – Покровский заговорщицки подмигнул испуганному юноше и легко подтолкнул его к обессиленно опустившейся на стул девушке.

– А мы пока потолкуем с почтеннейшим Мокием Парамоновичем о паровозе, который позволит нам покинуть эту, простите, господа, Богом забытую станцию.

– Хам, негодяй! – яростно взревел начальственным рыком железнодорожник, но тут случилось неожиданное. Покровский молниеносным движением руки схватил за ухо своего величественного оппонента и с силой крутанул его. Начальник станции издал тонкий поросячий визг и, стремясь вырваться из рук мучителя, резко присел вниз. Однако от столь резвого движения грузного тела ноги защитника демократии разъехались, и он тяжело шмякнулся на пол всем своим телом.

Столь комический вид грозного начальника поверг Митю в глубокий шок, от чего у молодого человека отвисла нижняя челюсть и выкатились глаза. Он даже забыл про свои рыцарские обязанности по отношению к девушке, которая разом прекратила всхлипывать, наблюдая за развернувшимся действием. Оба они испытывали двойственное чувство: с одной стороны, они желали, чтобы их обидчик понес заслуженное наказание, а с другой – молодежь страстно хотела увидеть, как один из столпов местного общества выкрутится из столь сложного положения.

Следовало отдать должное начальнику станции: даже оконфузившись, он не утратил своего лоска, быстро поднялся и немедленно обрушился на Покровского с новой силой и страстью:

– Опричник, царский сатрап, вам совершенно не помогут эти подлые трюки. Вы можете продолжать мучить меня и далее, но паровоза вы не получите никогда! Я совершенно не боюсь вас, поскольку твердо знаю, что пройдет всего лишь день и вас самого привлекут к суду за измену и отказ выполнять распоряжения Временного правительства.

Закончив сию пафосную речь, начальник станции величественно скрестил свои руки на груди и гордо вскинул голову, не желая смотреть в сторону Покровского.

Но капитан не дал ему возможности насладиться эффектом данной речи.

– Вывести господина начальника на перрон. Пусть он освежит свою буйную голову и покажет свою стойкость на людях, – медовым голосом приказал он. Солдаты моментально исполнили приказ и грубо поволокли свою яростно отбивающуюся жертву. Оказавшись на перроне, Покровский собирался продолжить прерванный монолог, но в этот момент к нему подбежал фельдфебель Савельев. Рядом ним стояло несколько солдат, крепко державших двух молодых людей. На одном из них была надета шинель гимназиста, из которой он уже явно вырос, другого украшал потертый пиджак и рабочий картуз. Оба были явно местными, поскольку вслед за ними прибыла толпа местных зевак, обеспокоенных таким поворотом событий.

– Дозвольте доложить, вашбродь, – бодро рапортовал фельдфебель, – задержаны в расположении эшелона во время проведения агитации. Призывали не поддаваться на происки внутренних контрреволюционеров во главе с генералом Корниловым, арестовать офицеров и сложить оружие.

– Вот как? А денег случайно за голову генерала или мою не предлагали?

– Никак нет, господин капитан. Только грозили всевозможными карами со стороны Временного правительства и лично премьера Керенского.

– Благодарю за службу, Тимофеич! Во исполнение положения военного времени, приказываю немедленно расстрелять господ агитаторов, – и капитан кивнул головой в сторону кирпичной стенки пакгауза. Все это он произнес просто и буднично, но столь уверенно, что все стоявшие на платформе моментально осознали, что Покровский не шутит.

– Вы не имеете такого права. Это гражданские мирные лица, и они неподсудны вашей власти, – гневно выкрикнул побагровевший железнодорожник.

– Имею, батенька, имею. Согласно последнему приказу генерала Корнилова, все лица, мешающие продвижению эшелона, попадают под законы военного времени. И приговоры незамедлительно приводятся в исполнение без суда и следствия по решению воинского командования. Эту депешу я получил только что, – и Покровский ласково похлопал по своему карману.

– Ваш Корнилов мятежник, и все его приказы незаконны, – начал энергично говорить железнодорожник, но резкий толчок приклада оборвал его речь.

– Это потом история рассудит, мятежник он или спаситель России, а пока, согласно приказу главковерха, я обязан расстрелять этих агитаторов. Однако я могу помиловать их в обмен на паровоз. Ну, как вам мое предложение: жизни этих двух молодых людей в обмен на сотрудничество. Подумайте, у вас ровно минута на принятие решения.

– Вы не посмеете расстрелять своих соотечественников даже ради исполнения приказа своего главковерха, – уверенно произнес железнодорожник, продолжая при этом наливать красным цветом.

– Конечно, я прекрасно вижу, что это просто дети, которые подобно вам решили немного поиграть в большую политику и за шалости которых придется расплачиваться мне и моим людям. Подайте паровоз, и я буду считать этот инцидент исчерпанным.

– Я не могу просто так поступиться идеалами революции.

– Даже ради спасения невинных, по вашим словам, людей?

– Вы гнусный и подлый человек. Вы не посмеете сделать это, – убежденно произнес железнодорожник.

– Ах, не посмею? – гневно переспросил Покровский, – Савельев, к стенке агитаторов!

Фельдфебель чуть замешкался исполнять приказ командира, но, столкнувшись с его гневным взглядом, немедленно исполнил требуемое и выстроил задержанных вдоль кирпичной стены.

– Целься! – приказал солдатам Покровский. – У вас тридцать секунд на размышление.

– Негодяй, мерзавец! – начальник станции в гневе бросился на офицера, но получил сильный удар в живот. Сидя на корточках, он пытался вдохнуть воздуха, видя перед собой заляпанные сапоги Покровского.

– Ну! – властно потребовал капитан, показывая железнодорожнику циферблат, по которому стрелка уже бежала лишнее время, однако защитник революции упрямо покачал головой.

– Пли! – и выстрелы из винтовок впечатали в кирпичную стену так до конца и не поверивших в свою смерть юношей.

– Смотрите, смотрите, вы ведь этого хотели, господин забастовщик. Надеюсь, эти весомые аргументы полностью убедили вас в твердости моих слов. Вы могли их спасти, но не пожелали из-за своего ослиного упрямства, – холодным голосом произнес Покровский, – и я не остановлюсь ни перед чем, чтобы выполнить приказ командования.

– Палач, изверг, – глухо простонал начальник станции, не отводя взгляда от тел погибших.

– А вот в этом вы глубоко ошибаетесь, господин забастовщик. Палачом являюсь не я, а вы, и этот вопиющий факт я вам немедленно докажу. Савельев, приведите сюда любых четырех человек!

Фельдфебель вновь чуть замешкался, пораженный столь неординарным приказом, но всё же подскочил к стоящей толпе зевак и принялся выхватывать из нее первых попавшихся под

руку людей. Зрители сначала в страхе ринулись прочь от военных, но затем, осознав свое большинство, ринулись на них, желая отбить арестантов. Однако моментально присмирели, едва только расположившиеся у водокачки пулеметчики взяли наизготовку и навели на них тупое рыло «максима».

Покровский внимательно оглядел добычу фельдфебеля, внутренне содрогаясь от того, что ему, возможно, предстоит сделать. Перед ним стояли типичные представители самых разных сословий, оказавшиеся на этой станции. Первым в этом коротком ряду стоял пожилой приказчик из ближней лавки, затем розовощекий юноша, которому едва минуло восемнадцать лет, и разбитная конопатая крестьянка, на свою беду приехавшая сегодня по своим делам на станцию. Последним был десятилетний мальчишка, прибежавший поглазеть вместе со своими сверстниками на прибывший с фронта военный эшелон. Все они были сильно напуганы тем, что оказались выведены из толпы этим страшным капитаном, который на их глазах отдал приказ о расстреле агитаторов.

– Совершенно не понимаю, зачем вы привели сюда этих людей? – с дрожью в голосе произнес начальник станции, полностью сбитый с толку столь неординарными действиями офицера.

– Это заложники, господин демократ, – учтиво пояснил Покровский, стараясь ничем не выдать своего внутреннего волнения, – надеюсь, что вы уже окончательно убедились в твердости моих намерений идти до конца. Ваше глупое упрямство и нежелание понять, что время игр в политику уже прошло, толкает меня на крайнюю меру. Мне нужен паровоз, и, чтобы получить его, я буду расстреливать по одному человеку каждые тридцать минут. И все они своей смертью будут обязаны только вам лично, и никому другому. Интересно, сможете ли вы после этого спокойно жить, господин либерал?

Казалось, что железнодорожник хочет испепелить Покровского своим взглядом, с такой ненавистью смотрел он на капитана, не в силах произнести ни слова. Однако капитан совершенно не обращал на него внимания.

– Первым будет мальчик, а затем девушка, – объявил офицер и, крепко ухватив за шиворот ребенка, выдернул его из шеренги смертников. Он прекрасно понимал, что никто из солдат не возьмет на душу грех убийства ребёнка, и поэтому был вынужден лично играть страшного злодея. Покровский намеренно медленно тянул упирающегося мальчика мимо застывшего начальника станции. Напуганный мальчик намертво вцепился в ногу железнодорожника и отчаянно завизжал.

– Дядя Вася! Дядя Вася, не надо! Не надо, дядя Вася, меня мамка дома ждет! Пожалуйста, дядя Вася!

Мальчик разразился громким залившимся плачем, и одна из его штанин стремительно потемнела.

– Маманя! Ой, мамочка моя! – немедленно присоединилась к ребенку рыжеволосая поселянка, с каждым вздохом добавляя всё больше и больше оборотов в своем звонком причитании.

– Василий Капитонович! Помилосердствуй! – взмолился пожилой мужчина.

– Ну, что скажете? – спросил капитан.

Железнодорожник судорожно проглотил комок в горле, а затем отрывисто произнес:

– Хорошо, я дам вам паровоз. Только не убивайте их.

Плечи забастовщика обмякли и безвольно повисли. Вместе с вырванным капитаном обещанием из него разом исчезли его властность, осанка и уверенность в себе и своих поступках. Теперь перед офицером стоял смертельно усталый, полностью сломленный человек.

– Время пошло, марш! – крикнул Покровский, желая поскорее закончить этот ужасный спектакль, и несчастный Василий Капитонович решительно рванул куда-то в сторону от перрона. Последующие полчаса оказались самыми трудными в жизни капитана. И хотя он про-

должал неторопливо прогуливаться по перрону, покуривая одну за другой папиросы и выслушивая рапорты солдат эшелона, гнетущая неуверенность невидимой рукой сжимала его душу.

Стрелка часов стремительно подползала к трагической отметке, а паровоза всё ещё не было. Капитана всё больше и больше терзали сомнения, что начальник станции передумал или сомневается в способности офицера привести угрозу в исполнение и поэтому, может быть, наблюдает за всем происходящим из-за угла.

Вот стрелки сошлись, но ничего не произошло. Закрыв глаза, Алексей мысленно прибавил ещё лишнюю минуту и, когда прошла и она, добавил новую. И Бог проявил милость, в этот момент, как бы спеша известить о своем скором прибытии, где-то вдалеке гулко свистнул гудок паровоза. Медленно передвигаясь по путям, он возвращался к эшелону.

Покровский терпеливо дождался, пока локомотив был прицеплен к составу, и только тогда освободил захваченных людей. Не желая появления новых сюрпризов, капитан приказал четверым солдатам взять паровоз под надежную охрану и ни на минуту не оставлять бригаду машинистов без присмотра. После этого, на негнущихся ногах, офицер направился к телеграфисту, через которого передал сообщение генералу Корнилову о возобновлении движения эшелона по прежнему маршруту.

Ещё через полчаса поезд наконец-то смог покинуть станцию, и, когда состав уже двигался по основному пути, Покровский позволил себе разом выпить целый стакан водки.

Весть о страшном капитане-душегубце летела впереди поезда, обгоняя его телеграфными сообщениями. Благодаря этому, эшелон спокойно миновал следующие станции, останавливаясь исключительно для заправки паровоза водой и углём. Только под Царским Селом поезд вынужден был остановиться в открытом поле. Повинуясь приказам из Петрограда, местные железнодорожники полностью разобрали полотно дороги, стремясь не допустить продвижения корниловцев к столице. Однако это не остановило Покровского. Осознав, что дальнейшее движение по железной дороге невозможно, он приказал покинуть эшелон и пешим порядком направиться на столицу. Вместе с двумя батальонами и артиллерийской батареей капитан смог достичь Царского Села, где его ожидала большая удача.

Во-первых, он встретил два конных полка под командованием князя Гагарина, которые, добравшись до Царского Села на своих скакунах, никак не решались начать наступление на город, терпеливо дожидаясь прибытия генерала Крымова. А во-вторых, солдаты капитана обнаружили в казармах гарнизона целый автомобильный батальон, ранее предназначавшийся для охраны резиденции государя-императора. Это полностью решило вопрос о быстром продвижении отряда Покровского в сторону столицы. Посадив свое воинство на грузовики и прицепив пушки, капитан отдал приказ ускоренным маршем направиться к столице, для которой появление корниловских частей стало настоящим шоком.

Несмотря на то что общая численность всех полков столичного гарнизона составляла около двухсот тысяч человек, никто из них не желал проливать свою кровь за Временное правительство. Едва получив известие о скором выходе отряда Покровского к окраинам Петрограда, Керенский поспешил освободить из Петропавловской крепости ранее арестованного им председателя Центробалта Дыбенко и предложил ему возглавить оборону города, передав под его командование самые надежные части гарнизона.

Лихой революционер, с легкостью истребивший прошедшей зимой беззащитных офицеров эскадры линкоров и броненосцев в Гельсингфорсе, после недолгого раздумья согласился, вытребовав для себя от премьер-министра массу привилегий и постов.

Вместе с частями Волынского и Павловского полков Дыбенко двинулся навстречу «изменникам делу революции», рассчитывая рассеять врага благодаря значительному превосходству в силе. В то же время сотни агитаторов Временного правительства митинговали перед измайловцами, семеновцами и прочими полками столицы, неистово доказывая солдатам необ-

ходимость покинуть свои казармы и выступить единым фронтом на защиту идеалов революции.

Их слушали неохотно, поскольку одно дело наводить порядок в городе против полицейских и офицеров, и совершенно другое дело воевать с фронтовиками, которые, согласно сообщению «сарафанного телеграфа», вырезали и расстреляли всё мужское население маленькой станции за оказанное им неповиновение.

Возможно, что страх перед расплатой и сплотил бы воедино эти запасные части гарнизона в некое единое целое, но капитан Покровский не дал времени господам революционерам. Используя свое автомобильное преимущество, он раньше своего противника вышел к окраинам города, скрыто развернул свои силы на удобных для боя позициях и выслал вперёд конную разведку. Кроме этого, вместе с кавалеристами был отправлен переодетый в гражданское платье поручик Кожин, в секретную задачу которого входила связь по телефону с полковником Кутеповым, который должен был поднять кадетские училища и юнкерские школы.

Разведка своевременно доложила Покровскому о выдвижении против него частей Дыбенко, двигавшихся одной огромной толпой, которую с большим трудом можно было назвать походной колонной. Вместе с пехотой Дыбенко получил два броневика, которые должны были придать большей уверенности «защитникам революции» в их борьбе с мятежниками.

Когда бывший председатель Центробалта разглядел в бинокль численность отряда Покровского, тщательно скрываемый страх моментально пропал из его храброго сердца, уступив свое место лихости и азарту.

– А ну, братишки, покажем золотопогонным недобиткам нашу революционную силу и стойкость, – браво закричал он, предвкушая легкую победу над малочисленным врагом, – накажем корниловских мятежников беспощадным революционным судом, не дадим им повернуть колесо истории вспять.

Дыбенко громко сыпал всевозможными лозунгами, быстро и уверенно разогревая вооруженную толпу для главного и решительного броска, как он это делал на корабельных собраниях, перед тем как идти массой резать офицеров того или иного корабля.

Извергая из себя звучные фразы, Дыбенко уже явственно видел себя спасителем столицы и всей страны от генеральского мятежа. Уж теперь он просто так не подчинится Керенскому, который так легко оттер его от власти этим летом. Разогретый своими же громкими словами, бывший председатель Центробалта стремительно поменял свои планы на будущее, которые он немедленно начнет претворять в жизнь, как только покончит с жалкой кучкой заговорщиков. Не желая ни с кем делиться славой спасителя Отечества, бравый матрос не стал дожидаться подхода дополнительных сил и решил немедленно атаковать один из батальонов Покровского, успевший окопаться вдоль дороги.

– Братцы, лично обещаю вам открыть царские винные погреба в Зимнем, как только перебьем эту сволочь! Чем мы не люди! – Этот аргумент был особо радостно встречен солдатами, которые давно точили зубы на эти знаменитые хранилища.

Дыбенко отдал команду, и под прикрытием двух броневиков революционеры двинулись в атаку. Они шли густой людской массой, беспорядочно стреляя в сторону залегших фронтовиков, стремясь поскорее сойтись с ними в рукопашном бою.

Покровский внимательно наблюдал за приближающимися врагами, именно врагами, поскольку в этих людях, одетых в солдатские шинели, он видел изменников и предателей, которые ради своих сиюминутных целей могут погубить его многострадальную Родину.

Все четыре орудия отряда были развернуты, хорошо замаскированы и готовились преподнести противнику свой огневой сюрприз. Капитан не отрывал взгляда от окуляров бинокля, тщательно высчитывая расстояние, с которого его артиллерия могла нанести врагу максималь-

ный урон. Вот чьи-то ноги пересекли тот невидимый рубеж, что определил для себя Покровский, и в то же мгновение он отдал команду.

– Шрапнелью, огонь! – И орудия с грохотом извергли из себя снаряды с мелкой свинцовой начинкой, которая со страшным свистом устремилась навстречу людской массе, мгновенно прорежая её. Вслед за артиллеристами дала дружный залп и залёгшая пехота, выбивая в передних рядах тех, кого миновала шрапнель.

– Беглый огонь! – И новые смертельные гостинцы полетели в сторону атакующих, исправно перемалывая живую силу противника. В поддержку батареи заливисто застучали пулеметы, умело расставленные в центре и по флангам обороны отряда.

Попав под столь умело организованный заградительный огонь, видя мучения и смерть своих товарищей, необстрелянные защитники революции моментально залегли. Разгоряченный неудачей, комиссар Дыбенко с маузером в руке, неистово матерясь, отважно перебегал от одной залёгшей цепи к другой, заставляя людей подниматься и продолжать наступление, двигаясь перебежками.

– Осколочными, огонь! – приказал Покровский, заметивший, что обстрел противника шрапнелью уже стал малоэффективен, и решивший изменить тактику. Теперь на врагов обрушились осколочно-фугасные снаряды, которые вновь заставили пехоту залечь, причем на этот раз надолго.

Вместе с ними разом остановились и броневики, которые предпочли не продвигаться вперед, а вступить в перестрелку со столь яростно обороняющимся противником. Возможно, это был неплохой вариант, но остановившиеся машины стали прекрасной мишенью, чем Покровский не преминул воспользоваться. Предоставив главным силам батальона самим сдерживать пехоту, артиллеристы принялись залпами обстреливать броневики, находясь вне зоны ответного огня.

Прошедшие хорошую школу войны, они уже с третьего залпа накрыли одну из машин, повредив её передние колеса. Экипаж немедленно поспешил покинуть машину, даже не попытавшись исправить повреждение. Обрадованный успехом, командир незамедлительно перенес огонь на второй броневик, но едва вокруг него стала складываться вилка, как машина незамедлительно покинула поле боя.

Стоя рядом с лафетом орудия, Алексей азартно рассматривал поле боя в бинокль, всё шло так, как он и задумывал. Пехота противника залегла, надежно придавленная к земле огнем его пушек и пулеметов, и не помышляла о возобновлении атаки. Капитан отчетливо наблюдал, как многие из лежавших солдат стали отползать назад, стремясь найти для себя надежное укрытие. Да, всё было прекрасно.

– Ракету! – приказал командир, и через мгновение в небо взлетела маленькая белая комета, повествуя спрятанной коннице, что пришел час её атаки.

С громким свистом и улюлюканьем двинулись в атаку кавалеристы Гагарина. В считанные минуты они преодолели разделяющее их от врага пространство и атаковали изумленную пехоту Дыбенко. Зайдя с фланга, кавалеристы моментально опрокинули жидкий заслон успевших вскочить солдат, и их страшные клинки начали свой кровавый танец. Пулеметчики революционеров не могли прийти на помощь своим товарищам, поскольку были заняты непрерывной огневой дуэлью с противником, который не позволил им поменять позиции.

Конная атака была последней каплей, которая подорвала уверенность солдат Дыбенко в своей силе. Явно превосходя числом сторонников Корнилова, защитники революции позорно бежали от врага, испуганные надвигавшимися на них кавказскими горцами. Об их свирепости и кровожадности среди солдат запасных полков ходили страшные легенды, поэтому после первого же столкновения с кавказцами солдаты поспешили оставить поле боя, позабыв обо всем на свете.

В числе первых беглецов был и сам командир революционеров, моментально позабывший о защите идеалов революции. Легко раненный шальной пулей в руку, Дыбенко посчитал, что он полностью исполнил свой долг перед Керенским, и, погрузившись на автомобиль из парка великого князя Дмитрия Павловича, спешно отбыл к Зимнему дворцу. «Революционный буревестник» совсем не стремился известить засевшего во дворце премьера о своей неудаче. Этого он как раз делать не собирался, просто рядом с Зимним встал на стоянку лёгкий крейсер «Аврора», переведенный сюда по приказу Дыбенко из ремонтного завода.

Хитрый хохол решил подстраховаться на случай неудачи своей полководческой карьеры: пушки крейсера могли стать решающим аргументом в споре за столицу, от которой Дыбенко не собирался отказываться. Кроме этого, «Аврора» могла быстро доставить его в Гельсингфорс, где положение во флотской среде оставалось очень напряженным.

Одержав важную победу на подступах к городу, Покровский не собирался почивать на добытых лаврах. Ещё часть конных преследовала бегущего противника, который стремился укрыться от грохочущей смерти в подворотнях домов, капитан уже отдал приказ батальонам грузиться на грузовики. Быстрота и слаженность были главными залогом успеха в таком рискованном мероприятии, как штурм столицы.

Покровский прекрасно осознавал, что его отряду не под силу тягаться с многочисленным, почти двухсоттысячным гарнизоном Петрограда. Однако, движимый огромным чувством ответственности за свою страну и ненависти к окопавшимся в Зимнем дворце людям, которые с упорством фанатиков вели её к полному краху, несмотря на всю авантюристность своих действий, он решил идти до конца.

Начиная штурм города, капитан отлично помнил девизы Суворова о смелости и натиске, которые всегда приводят к победе. Кроме того, он очень надеялся на юнкерские училища и кадетские корпуса. Сейчас это были не те военные формирования столицы, которые дискутировали в феврале: достойно ли армии применять оружие против взбунтовавшейся толпы или нет? Месяцы свободы и демократии настолько унизили и озлобили юнкеров, кадетов и прапорщиков, что теперь они с радостью были готовы выступить против власти по призыву достойного лидера.

Покровский хорошо знал столицу с мирных времён, кроме того, по карте тщательно изучил расположение казарм запасных полков. Конечно, основными целями штурма были Зимний дворец и Генеральный штаб, но капитан справедливо полагал, что в первую очередь необходимо обезопасить свой тыл от возможных ударов в спину со стороны запасных полков гарнизона.

Поскольку конники Гагарина были не нужны Покровскому на этом этапе, то он бросил их в лихой рейд по городу и, приказав сеять панику среди населения столицы, выйти к Михайловскому артиллерийскому училищу, чтобы объединенными усилиями захватить все мосты через Неву. Сам же капитан направился к ближайшим военным казармам, в которых располагался Финский полк.

Когда грузовики, переполненные солдатами, только вывернули на улицу, где находились запасные полки, Покровский увидел большую толпу в шинелях, митингующую возле ворот казармы. Он быстро поднес к глазам бинокль и радостно улыбнулся, на рукавах стоявших людей виднелись белые повязки. Это был условный знак, по которому части генерала Корнилова должны были отличать своих сторонников от солдат Керенского.

Не доезжая до казармы, Покровский велел солдатам остановиться и развернуться в боевое положение. Пехотинцы незамедлительно выполнили приказ капитана: на крышах грузовиков разместились пулеметы, а бравые артиллеристы быстро развернули два орудия, чьи неостывшие стволы были любовно направлены на стены казарм.

Появление Покровского не осталось незамеченным, толпившиеся у ворот казармы люди с тревогой наблюдали за действиями прибывших. Капитан неторопливо вышел вперед и, пройдя несколько шагов, громким и зычным голосом крикнул:

– Командира ко мне!

Из рядов белоповязочников немедленно отделился человек, который оказался заместителем начальника юнкерского училища полковником Кожиним. Вместе с полуротой юнкеров он пытался уговорить солдатский комитет полка не выполнять приказы Временного правительства. Запасники уже привычно спорили с юнкерами, больше всего напирая на выгоду, которую они получают в случае своего согласия. Прибытие батальонов было как нельзя кстати, поскольку аргументы у юнкеров кончились и было пора переходить к демонстрации силы. Когда представители солдатского комитета предстали перед Покровским, то он был краток: солдатам предлагалось разоружиться и находиться в казарме под присмотром юнкеров. В случае отказа капитан обещал открыть огонь по казарме из всех четырех орудий. На вопрос комитетчиков, по чьему приказу он тут командует, Покровский гордо вскинул голову и с чувством полного достоинства произнёс:

– По приказу Верховного правителя России генерала Корнилова.

Почему он это сказал и наградил генерала столь необычным титулом, капитан по прошествии времени и сам не мог толком ответить. Что-то щёлкнуло у него в голове, и Покровский легко назвал столь высокую должность Корнилова, подарив мятежному генералу вполне реальную власть.

Услышав о таком высоком ранге Корнилова, стоящие юнкера моментально вытянулись и стали смотреть на комитетчиков с чувством превосходства.

– В вашем распоряжении десять минут, после чего я немедленно открою огонь из всех видов оружия. И не советую надеяться на Керенского, через час части генерала Крымова начнут штурм Зимнего.

В это время в казарму финляндцев уже пришли известия о разгроме павловцев и волынцев и той страшной резне, которую учинили кавалеристы Гагарина над несчастной пехотой Дыбенко. Грозный вид фронтовиков на фоне стволов пушек и пулеметов не оставлял сомнения в решимости Покровского исполнить свои обещания.

Комитетчики недолго упирались, получив твердую гарантию сохранения своих жизней и свободы, они неохотно согласились сдать оружие юнкерам и разошлись по казарме. Привыкшие к легкой жизни в столице за время революционных перемен, они с опаской косились на фронтовиков, которые неоднократно смотрели смерти в лицо.

Едва Покровский принял капитуляцию финляндцев, как к нему прибыл вестовой с донесением о боевом столкновении сил кадетского корпуса с Измайловским полком.

В казармах этого соединения усиленно поработали агитаторы премьера, и солдатский комитет решил поддержать Керенского. Пока шла только ружейная перестрелка, но измайловцы ожидали подхода броневиков из автороты Петроградского гарнизона.

Всё решали буквально минуты, и капитан немедленно принял решение перебросить один батальон, усиленный своей единственной батареей, на помощь кадетам. Примкнутые наспех к грузовикам пушки с грохотом и лязгом понеслись по мостовой, распугивая любопытных жителей столицы. Второй усиленный батальон под командованием штабс-капитана Саблина начал выдвижение для блокирования Зимнего дворца.

Помощь кадетам прибыла как нельзя вовремя. Первые же залпы орудий внесли панику и страх в рядах оборонявшихся солдат. С момента начала революции в Питере все вооруженные конфликты сводились к перестрелке между частями из винтовок и пулеметов. Впервые за всё тревожное время против запасных частей была использована артиллерия, которая быстро привела в чувство зарвавшихся преторианцев революции.

Шрапнель и осколки основательно вколотили в сознание тыловиков, что с ними не собираются шутить. Пушкари быстро загнали запасников внутрь казармы и продолжили обстрел здания, стремясь добиться скорейшей капитуляции солдат. Батальон сноровисто оцепил казарму и своей точной стрельбой отбил охоту у любителей пострелять из окон. Обстрел измайловцев был прерван появлением трех броневиков, прибывших поддержать запасников.

– Разворачивай вправо, ребята! – закричал Покровский, вовремя заметив выползающие из-за угла машины противника. Канониры первого орудия успели исполнить приказ капитана, до того как по щитам пушек защелкали пулеметные пули. На таком расстоянии было невозможно промахнуться, и уже первый, выпущенный из орудия снаряд поразил броневик в районе пулемётной башни. Машина ярко пыхнула языками огня, и из неё немедленно повалили густые клубы черного дыма. Горящий броневик перегородил дорогу идущим следом машинам, и они остановились, чем немедленно воспользовались остальные орудия батареи. В результате были подбиты все машины противника, что окончательно деморализовало осажденных измайловцев.

Едва к ним были посланы парламентарии, как запасники с радостью согласились сдать, при условии сохранения им жизни. Естественно, условия были приняты, и выполнение было уже привычно гарантировано именем Верховного правителя Корнилова, что невероятно поднимало настроение у победивших кадетов. К большому сожалению Покровского, у артиллеристов заканчивались снаряды, а в арсеналах сдавшихся полков было только стрелковое оружие. Желая пополнить огневой запас, капитан приказал двигаться в Михайловское училище, где согласно донесениям конных вестовых его ждал полковник Кутепов.

Сражение за столицу шло успешно, поднятые вовремя полковником Кожиным сторонники Корнилова сумели вывести на улицы города большую часть будущего офицерского корпуса столицы. Удачный бой с Дыбенко и появление лихо гарцующих по улицам столицы кавалеристов Гагарина посеяли огромную панику в рядах сторонников Временного правительства. Вести о капитуляции запасников стремительно распространялись в остальные части гарнизона, незамедлительно обрастая различными шокирующими подробностями.

Эти вести стали самым лучшим аргументом юнкеров и кадетов в переговорах с агитаторами премьера из солдатских комитетов других столичных полков, которые пылкими революционными речами всё же пытались склонить будущих офицеров перейти на сторону Временного правительства. Но один только вид усталых и страшных своим безразличием фронтовиков, прибывших для наведения порядка с передовой, моментально отрезвлял зарвавшихся революционных горлопанов.

Узнав о расстреле измайловцев, отказали в помощи Керенскому преображенцы, семеновцы, ингерманландцы и гренадеры. Они дали твёрдое обещание блокировавшим их юнкерам не выступать против Корнилова, поспешно выдав всех находившихся в казармах агитаторов премьера и особо ретивых комитетчиков. Единственной частью, с которой произошло серьезное столкновение, был Кексингольский полк. Здесь долго велась винтовочная перестрелка, однако командовавший юнкерами лично полковник Кутепов проявил стойкость и напористость, желая поскорее смыть с себя неудачу февраля, когда он один мог полностью остановить разбушевавшуюся толпу. Окончательный перелом в сражение внесли два броневика, которые перешли на сторону корниловцев и своим пулеметным огнем полностью рассеяли противника.

Помимо Кутепова Покровский встретил в стенах училища Бориса Савинкова, недавно назначенного заместителем военного министра. Открыто поддерживая генерала Корнилова, он уже полностью освоился с ролью восставшего и, на момент прибытия капитана, лично совершил захват телеграфа и телефонной станции столицы с немедленным отключением Зимнего дворца и штаба Петроградского гарнизона. Окрыленный успехами, Савинков настойчиво требовал начать штурм Зимнего дворца и арестовать Керенского.

Но военные придерживались несколько иного мнения. Главной целью на тот момент они наметили скорейшее занятие и разведение мостов через Неву, желая тем самым отрезать рабочие окраины Петрограда от центральной части столицы, что не было сделано во время февральских выступлений. Тогда разгоряченные слабостью власти толпы народа смели жидкий заслон городских, начавших наводить порядок в центре города, и окунули столицу в анархию вольности.

В этот раз казаки дружно поддержали кавалеристов Гагарина, едва те обратились к ним за поддержкой от имени Корнилова. Совместными усилиями они легко заняли почти все мосты через Неву, не встречая какого-либо сопротивления со стороны караулов. Единственный мост, где произошла осечка, был Дворцовый, и главная причина неудачи крылась в пришвартованном рядом крейсере «Аврора». Едва только всадники принялись занимать мост, как с крейсера было наведено носовое орудие, и казаки посчитали разумным ретироваться за угол ближайшего здания, чтобы в случае необходимости атаковать идущие по мосту силы противника.

А в это время в Зимнем дворце происходила бесконечная перепалка между Керенским, его министрами, штабом Петроградского гарнизона и Дыбенко, который сумел благополучно добраться до корабля и теперь вел свою игру, позабыв обо всех прежних договоренностях с правительством. Все были напуганы неожиданным появлением в городе регулярных фронтальных частей и их успехами, сообщения о которых поступали с завидной регулярностью. Запасные полки один за другим объявляли о нейтралитете, деморализованные из-за пролившейся на улицах города крови. Все лучшие агитаторы Временного правительства были брошены на агитацию застрявших на железнодорожных станциях солдат генерала Крымова, а оставшиеся плохо справлялись со своей ролью.

Но больше всего столичных революционеров пугало имя генерала Корнилова, которое в одночасье стало знаменем для всех униженных и оскорбленных патриотов страны.

Известие о возведении мятежного генерала в ранг Верховного правителя России, доставленное в Зимний дворец по телефону ещё до того, как он был отключен, окончательно развалило хлипкое единство во Временном правительстве.

Запертые в стенах Зимнего дворца министры яростно спорили между собой, подозревая вся и всех в двойной игре и измене. Керенский то впадал в истерику, то посылал своего адъютанта на встречу с Дыбенко, требуя от него решительных действий против мятежников, которые не теряли времени даром.

Убедившись, что полки гарнизона не поддержали премьера и северные районы города временно изолированы, Покровский и Кутепов отдали приказ о выдвижении всех своих сил к Зимнему дворцу вместе со всей артиллерией. Заняв без боя здание Генерального штаба, два батальона Покровского и юнкера вышли к Дворцовой площади, в центре которой стоял Александрьевский столп. Они чуть-чуть опоздали, поскольку буквально десять минут назад от дворца в сторону американского посольства отъехал автомобиль с премьером Керенским. Александр Федорович окончательно разуверился в силах русской демократии и решил искать помощи у западных союзников.

Дыбенко же, наоборот, развил активную деятельность, подведя крейсер «Аврора» вплотную к Дворцовому мосту; он с минуты на минуту ожидал подхода вооруженных отрядов рабочей гвардии, к которым обратился с призывом о помощи. Отдельные отряды красногвардейцев уже маячили на набережной Васильевского острова, но пока так и не решались перейти Неву по Дворцовому мосту. Кроме того, Дыбенко послал телеграмму в Гельсингфорс, призывая Флотский экипаж Балтийской эскадры прислать в столицу для поддержки свободы побольше революционных матросов. Центробалт немедленно откликнулся на просьбу своего бывшего председателя и обещал прислать помощь к середине завтрашнего дня. Корниловцы ничего не знали об этих переговорах, но, следуя здравому смыслу, стремились завершить всё к исходу ночи. Поэтому, кроме батареи полевых орудий, что так помогала Покровскому в течение всего дня,

из Михайловского училища к Генеральному штабу были экстренно переброшены две мощные гаубицы.

Площадь перед дворцом была абсолютно пуста, только в окнах со стороны крыла Зимнего дворца, где располагался лазарет, мелькали лица людей, испуганных видом солдат, готовых к штурму.

Протяжно и громко ухнули гаубицы, стрелявшие навесным огнём через дворец. Два снаряда упали в Неву, высоко взметнув белые фонтаны взрывов. Корректировщики огня с крыши Генерального штаба немедленно дали поправку, и вскоре гаубицы дали новый залп. Артиллерийский обстрел крейсера был полной неожиданностью для Дыбенко, он ещё имел какие-то иллюзии, но гаубичные снаряды, всё ближе и ближе ложившиеся к месту стоянки крейсера, разрушили все расчёты бравого моряка.

После второго залпа гаубицам попытались ответить два орудия со стен бастиона Петропавловской крепости, но едва только один снаряд упал на Дворцовую площадь, а второй – на крышу Зимнего дворца, бастион был немедленно обстрелян полевыми орудиями капитана Покровского. Бастион крепости немедленно покрылся разрывами снарядов и больше не предпринимал попыток вести огонь.

Двинувшиеся по Дворцовому мосту рабочие отряды попали под губительный шрапнельный огонь пушек Михайловского училища, заботливо доставленных туда полковником Штольцем. Не успев дойти до противоположного берега, люди дрогнули и бросились бежать, устилая своими телами пролеты моста.

Дыбенко попытался развернуть корабль для ответного огня, но в этот момент один из гаубичных снарядов попал в крейсер в районе машинного отделения. Сильный взрыв потряс «Аврору», окутав её центральную часть густым облаком дыма вперемежку с обжигающими клубами пара, мощной струей вырвавшегося из недр корабля. Крейсер моментально потерял ход, и на его борту возникла паника. Не имевшие боевой подготовки матросы моментально позабыли обо всём на свете и лихорадочно сновали по палубе, стремясь убежать от обжигающей огненной смерти.

Красный «адмирал» Дыбенко, выскочив из боевой рубки, попытался с помощью крика и маузера навести порядок в рядах экипажа крейсера, но это ему не удалось. Часть моряков, потеряв голову от страха, бросилась в воду Невы, желая спасти свои жизни. Это окончательно взбесило Дыбенко, и, перегнувшись за леера, он принялся яростно палить из пистолета по уплывающим от крейсера матросам. Новый разрыв снаряда вблизи борта «Авроры» прервал этот расстрел, так как один из осколков угодил герою революции в живот. Обливаясь кровью, моряк рухнул на палубу корабля, выронив из рук свой верный маузер. С его ранением дисциплина в экипаже полностью упала, и теперь крейсер представлял собой лишь удобную мишень для михайловских артиллеристов. Они уже хорошо пристрелялись, и следующий залп, выпущенный ими, угодил в борт корабля ниже ватерлинии. Несчастное судно вздрогнуло всем корпусом от сильного взрыва и сильно осело набок. Через огромную пробоину в трюме корабля мощным потоком хлынула невяская вода, вынося окончательный приговор обреченному крейсеру.

«Аврора» медленно, но неотвратимо погружалась в Неву, заваливаясь на правый борт. Это обстоятельство позволило многим членам экипажа благополучно покинуть корабль, направляясь к ближайшей набережной, где их благополучно вытащили из воды прибывшие юнкера.

В числе спасённых оказался и сам Дыбенко. У раненого гиганта хватило сил оставить судно в последний момент и самостоятельно добраться до берега. Но на этом его везение закончилось. Одним из взводов юнкеров командовал брат старшего офицера броненосца «Павел I», который был зверски убит революционными моряками во главе с Дыбенко в марте этого года.

Едва экс-председатель Центробалта был опознан другими спасшимися моряками, как офицер немедленно разрядил в него свой пистолет.

За время артиллерийского обстрела крейсера Покровский, сосредоточив оба своих батальона и юнкеров вокруг Зимнего, завершил окружение дворца. Неторопливо, без суеты, цепи фронтовиков устремились к Зимнему дворцу. Полевая артиллерия подтянулась вслед за атакующими цепями, готовясь подавить огневые точки обороняющихся. Однако шаг за шагом цепи спокойно достигли Александрийской колонны, а затем и самого дворца.

– Огня не открывать! – громко приказал капитан, стремясь избежать напрасного кровопролития. Через открытые двери вестибюля солдаты стремительно ворвались во дворец, но их опять встретила тишина.

– Савельев, со взводом за мной! – скомандовал Покровский, быстро поднимаясь по бело-снежной мраморной лестнице, направляясь в зал заседаний правительства. Солдатские сапоги гулко застучали по плиткам лестницы, наполняя стены Зимнего зловещим топотом. Этот злой военный топот стремительной рекой вливался в мирную тишину огромных покоев, заставляя обитателей дворца ёжиться от страха. Фронтовики привычно растекались по зданию, разоружая редкие караулы и выставляя свои посты.

Стоящий у входа в зал заседаний кабинета министров караул быстро сложил оружие при виде роты солдат во главе с капитаном, уверенно марширующих по коридорам дворца. Шагавший рядом с Покровским Савельев с огромной радостью отшвырнул с дороги какого-то военного адъютанта, пытавшегося закрыть двери перед идущими фронтовиками. Фельдфебель решительно распахнул двери зала, в котором располагалось Временное правительство, и почтительно пропустил вперед капитана.

Сидевшие за огромным столом люди в страхе вскочили при виде торжествующих солдат, которые стремительно ворвались в помещение. Все члены правительства ещё никак не могли осознать реальность происходящего, настолько быстро и неожиданно для них произошёл этот переворот, осуществлённый каким-то неизвестным капитаном.

А сам герой этих событий с глубокой грустью и разочарованием всматривался в лица людей, которые возомнили себя великими правителями и своими преступными деяниями вели страну к гибели. Какими жалкими и растерянными оказались те, кто совсем недавно командовал военными, не имея на то ни знаний, ни опыта.

Вся политика этих господ министров строилась на заигрывании с народом, но сейчас этот вооружённый народ был готов немедленно растерзать правительство.

Всего несколько секунд царил в душе у капитана эта опустошённость после достижения цели, затем офицерская натура привычно вышла на первый план. Прервав свои раздумья, он глубоко вздохнул и громко, отчетливо произнёс:

– Господа министры, вы арестованы!

– Это произвол! – гневно откликнулся один из министров, но стоявший рядом с Покровским фельдфебель не собирался вступать с ним в дискуссию.

– Молчать! Смирно! Приготовить документы их благородию, – рявкнул Савельев, и это впечатляюще подействовало на господ министров. Они моментально сбились в кучу и принялись лихорадочно шарить по карманам. Покровский одобрительно кивнул головой подчиненному и приказал:

– Выставь наружные караулы и будь готов конвоировать господ министров в Петропавловскую крепость.

От этих слов гул недовольства прошел среди членов правительства, но тут же умолк, лишь стоило фельдфебелю грозно посмотреть на них.

Покровский для проформы ознакомился с документами арестованных, а затем, вернув паспорта владельцам, подошел к столу и, не предлагая садиться, спросил:

– А где же господин Керенский?

– Александр Федорович отбыл в американское посольство, – учтиво объяснил министр финансов, полагая, что менее других рискует своим положением.

– Ясно, – неторопливо произнес Покровский, – жаль, что не застали. Что ж, господа, теперь вам придется отвечать за все его деяния.

Министры вновь возмущенно загалдели, но моментально присмирели, едва Савельев многозначительно кашлянул.

– Господа, у вас есть только один шанс вернуть себе честное имя: отправить покаянную телеграмму Верховному правителю России генералу Корнилову. В ней вы должны разъяснить Лавру Георгиевичу, что не принимали участия в заговоре господина Керенского, пытавшегося с помощью освобожденного из тюрьмы Дыбенко узурпировать власть в стране. Что вы ждете его приезда в столицу, а на это время слагаете с себя все полномочия. Только в этом случае я могу гарантировать вам непредвзятое разбирательство во всем случившемся. Подумайте, господа, в вашем распоряжении две минуты.

Закончив речь, капитан уже привычным жестом откинул наружную крышку своих часов и стал ждать. В это время двери зала быстро раскрылась, и в комнату вбежал запыхавшийся вестовой. Он подскочил к капитану и что-то быстро зашептал.

– Все ясно. Всех в Петропавловку, – приказал Покровский, и солдат немедленно бросился исполнять его приказ.

– Вам интересно, что случилось? Охотно удовлетворю ваше любопытство. Нашей артиллерией потоплена «Аврора», а рядом с дворцом толпой растерзан Дыбенко, главный помощник господина Керенского в его неудачном заговоре.

Эти слова молниеносно подействовали на министров. Через пять минут телеграмма была составлена и вручена Покровскому.

– Я очень рад, господа, что вы сделали этот важный шаг. Телеграмма будет немедленно отправлена его превосходительству, а пока вам придется временно побыть под присмотром фельдфебеля. Он назначается комендантом дворца и сможет навести здесь полный порядок.

– Не извольте беспокоиться, вашбродь, муха не пролетит! – радостно произнес Савельев, чётко откозыряв капитану, который вместе с листком бумаги направился к дверям.

У самого выхода Покровский остановился и вместо прощания произнес:

– Согласитесь, господа, что это лучше казематов крепости, в которую, я думаю, вас было бы очень трудно доставить из-за сопротивления толпы.

В ответ господа министры, все как один, облегченно закивали головами. У них совершенно не было желания выходить к народу в этот день.

Корнилов прибыл в столицу через сутки, встреченный на вокзале «почётным караулом» из министров Временного правительства и восторженной толпой горожан, воочию желающих увидеть собственными глазами Верховного правителя России.

Ближе к ночи усталый, но бодрый генерал потребовал к себе Покровского.

– Так вот кому я обязан столь громким званием, – произнес Корнилов, крепко пожимая руку капитану, – спасибо за всё, сделанное вами, дорогой Алексей Михайлович, не только от меня лично, но и от всей России!

– Служу Отечеству! – коротко ответил Покровский, щелкнув каблуками и склонив голову.

– Если бы не ваш самоотверженный прорыв в город, всё могло бы закончиться для нас всех очень плачевно. Сидеть бы нам с вами в Петропавловке как важным государственным преступникам, – произнёс Корнилов и улыбнулся. Затем лицо генерала вновь приняло серьезное выражение, и, с сожалением в голосе, он сказал: – За совершенный подвиг вас непременно стоило бы наградить Георгиевским крестом, но пролитая вами кровь мирных людей, даже за

правое дело, не позволяет мне сделать это. Равно, как и произвести вас в следующий чин. Прошу понять меня правильно и не обижаться, господин капитан.

– Я сделал всё не ради чинов и наград, а ради спасения Родины, Лавр Георгиевич. И огромной радостью для меня было делать одно общее с вами дело.

От такого ответа усталое лицо Корнилова вновь расцвело радостью жизни:

– Премного вам благодарен, Алексей Михайлович. Единственное, что могу предложить вам, – это место моего личного адъютанта, как вы на это смотрите?

Услышав это предложение, Покровский вновь вытянулся перед генералом и повторно шелкнул каблуками:

– Это огромная честь для меня, ваше превосходительство, и лучшей награды, чем эта, для меня и не надо.

– Рад, очень рад, что рядом со мной будет столь блестящий офицер, как вы. Ну, раз вы согласны, то немедленно приступайте к работе, Алексей Михайлович. Дел у нас с вами ох как много, и самое главное – война.

Капитан Покровский внезапно ощутил, что уже порядком замерз, стоя в тамбуре поезда Верховного главнокомандующего и вспоминая отчаянные минуты своей жизни уходящего года. Сигарета давно погасла в его окоченевших пальцах, и капитан быстро швырнул ее в бак с песком, специально предназначенный для этого.

Быстро взглянув на часы, офицер поправил сползшую с плеча шинель и поспешил в вагон. Приближалось время его доклада.

Документы Ставки Верховного правителя России

Из обращения генерала Корнилова к русскому народу от 29 августа 1917 года

Дорогие сограждане, братья и сестры. Вот уже в течение трех лет наше многострадальное Отечество ведет праведную борьбу с коварным и сильным врагом, защищая от него свои города и села, поля и леса, церкви и погосты. Три года он напрасно пытается сломить силу русского солдата и его оружия, каждый раз получая на все свои происки достойный ответ. Однако, к большому позору, у внешнего врага появились внутренние помощники, подлые предатели Земли Русской. Купленные на немецкое золото, они нанесли нашей стране предательский удар в спину в самый трудный для нее момент.

В этот трудный момент нашей истории, внимая многочисленным просьбам представителей различных сословий нашего народа, с полного согласия прежнего правительства, с сегодняшнего дня я вынужден взять в свои руки всю верховную власть в стране. Сразу заявляю, что воспринимаю свое новое положение как тяжёлую и ответственную ношу, которую беру на свои плечи, только ради блага своего народа и Отечества. Звание Верховного правителя России будет существовать только на время ведения войны. По её окончании, через шесть месяцев будут проведены выборы с последующим образованием Учредительного собрания.

С сего дня на территории страны временно приостанавливается вся политическая деятельность, а Государственная Дума распускается. Запрещены любые демонстрации, шествия и агитация в устной и печатной форме. С нарушителями будут поступать по законам военного времени. На всей европейской территории страны вводится военное положение, и вся власть на местах временно передается генерал-губернаторам и их представителям. За любые попытки саботажа на транспорте, в промышленности или других важных объектах будет применяться смертная казнь.

Исходя из тяжелого положения страны, всё промышленное производство временно переходит под государственный контроль и подчиняется военным приказам, которые имеют первоочередное значение против всех остальных.

С целью предотвращения дальнейшего ухудшения благосостояния страны, организуется Чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и спекуляцией. Ей будет предоставлено право вести борьбу на местах со всеми их проявлениями. Члены комиссии обязаны рассмотреть все выявленные факты в кратчайший срок и имеют право вынести любой приговор, минуя обычные судебные инстанции, вплоть до смертной казни.

Для более полного и эффективного руководства организуется Ставка Верховного командования, чьи приказы обязательны к немедленному исполнению по всей стране. Контроль исполнения принятых решений Ставки будет осуществляться институтом военных комиссаров и спецпредставителей Ставки.

По окончании войны, в течение пяти лет все её участники получают от государства специальную компенсацию в виде денежного пособия, земельного надела или иной помощи. Дети солдат, погибших в результате боевых действий, будут взяты на государственное довольствие до достижения своего совершеннолетия. Вдовам будут выплачены пособия и пенсия.

Я не обещаю вам легкой жизни, мои сограждане. Идёт война, и не в моих силах прекратить её немедленно. Однако приложу все свои силы, чтобы уменьшить это тяжелое бремя на ваших плечах и поскорее приблизить конец испытанию, которому подверглась наша Родина.

Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами.

Да поможет нам Бог!

Верховный правитель России генерал Л. Г. Корнилов

Из срочного донесения

финляндского генерал-губернатора Маннергейма

от 2 декабря 1917 года.

Совершенно секретно.

Лично, в одном экземпляре

Ваше превосходительство, довожу до Вашего сведения, что обстановка на территории бывшего Великого княжества Финляндского продолжает оставаться крайне напряженной. Несмотря на ряд мер, предпринятых мною в октябре месяце для наведения порядка в княжестве, среди местного населения не прекращаются проявления скрытого неповиновения и недовольства центральной властью.

В Гельсингфорсе германские агенты, уцелевшие после арестов военной контрразведки, продолжают свою деятельность. Беспрепятственно получая денежные переводы из Стокгольма с помощью подставных лиц, они активно финансируют лидеров местной интеллигенции, настроенных на немедленное отделение Финляндии от России и создание национального правительства с прогерманской ориентацией.

Кроме этого, на средства из этого же источника в Котке и Гельсингфорсе идет тайное формирование боевых дружин среди молодых финнов, из числа крайне враждебно настроенных к России. Все они организуются по принципу пятерок и десятков, командиры которых по сигналу германского командования должны будут выступить с оружием в руках при высадке морского десанта на территорию княжества. Используя слабое охранение побережья, немецкая разведка морским путем с помощью рыбацких лодок, ведёт снабжение их оружием. Так, по агентурным данным, сепаратисты уже смогли получить несколько партий вооружения, в основном стрелковое оружие и гранаты.

Одна из таких партий германского оружия была захвачена нами на тайной явке боевой дружины на окраине Гельсингфорса в результате удачно проведенной операции военной контрразведки. Всего было изъято: 21 винтовка системы Мосина, 11 пистолетов системы Маузера, 3 револьвера системы Наган и 4 ручные гранаты немецкого образца.

Из показаний арестованных на явке финнов в ближайшее время ожидается прибытие большого груза, в который должны входить боеприпасы и ручные пулеметы. Кроме этого, с

помощью специальных лиц производится усиленная скупка оружия у мирного населения и воинских частей русской армии, расположенных в Гельсингфорсе.

Всего за период с октября по декабрь силами военной контрразведки на территории Великого княжества Финляндского были проведены аресты 167 человек из числа активистов местного националистического движения «Великая Финляндия». Больше половины из числа арестованных составляют представители местной интеллигенции, некоторые из которых, после усиленной обработки работниками контрразведки, согласились на сотрудничество и предложили свои услуги в качестве тайных агентов, при сохранении их жизни. Все они, числом 14 человек, после оформления подписки о сотрудничестве были освобождены и отпущены под наблюдение сотрудников местной контрразведки. Наиболее рьяные финские националисты, общее число которых составило 36 человек, были переданы в руки военно-полевого трибунала и приговорены к смерти через расстрел. Все они были доставлены в Выборг, где были казнены в стенах внутренней тюрьмы. Тела расстрелянных националистов были тайно вывезены на берег залива и утоплены в специально приготовленных для этого прорубях, с грузом на ногах.

Остальные арестованные, во избежание возможных волнений в столице княжества, в спецпоезде были отправлены в Орловский тюремный централ, где и находятся в ожидании суда над ними.

С целью пресечения движения местного национализма и сепаратизма, прошу Ваше превосходительство о немедленном закрытии финско-шведской границы, прерывании всяких контактов со Швецией и, в первую очередь, банковских переводов. Это значительно снизит возможности финансовой подпитки германской агентуры и лиц её влияния.

Также необходимо ввести отряды российской пограничной стражи на территорию Великого княжества, передав под их полный контроль всё морское побережье со стороны Ботнического залива, для исключения возможности новых поставок оружия боевым дружинам националистов.

Особо необходимо усилить контроль военной контрразведки за положением на армейских складах и в случаях выявления пропажи или хищения единиц оружия наказывать виновных согласно положению военного времени, в публичном порядке и перед строем.

Кроме этого, смею предложить Вам своё мнение касаясь нашей борьбы с местным сепаратизмом. Считаю, что ведущим чиновникам моего аппарата, а возможно и мне лично, следует незамедлительно начать контакты с представителями местной общественности, которая по агентурным данным скрыто или явно продолжает тяготеть к идеям отделения Финляндии от России.

Путем частных бесед и контактов с ними необходимо внушить финнам мысль о возможности рассмотрения вопроса о предоставлении независимости Финляндии в той или иной форме только после окончания войны. Незамедлительное решение этого вопроса сейчас сводилось бы к невозможности его исполнения, мотивируя трудным положением на фронтах. Думаю, что эта информация, исходящая со столь высокого государственного уровня, в сочетании с жестко репрессивными мерами в отношении наиболее ярких и агрессивно настроенных членов финского общества, значительно снизит их стремление к обретению независимости Финляндии от России...

*Рапорт Верховному правителю России
генералу Корнилову
от командующего Балтийским флотом
капитана первого ранга А. М. Щастного
от 5 декабря 1917 года.
Совершенно секретно.
Лично*

На Ваш запрос о состоянии и боеспособности кораблей Балтийского флота могу сообщить следующее. На данный момент из всех судов, находящихся под моим командованием, по-прежнему наиболее слабыми и неготовыми к выходу в море остаются корабли отряда линкоров и броненосцев, базирующихся в Гельсингфорсе. Из четырех линкоров степень готовности только двух, «Петропавловска» и «Гангута», по всем качествам может быть оценена как удовлетворительная. Остальные линкоры, «Севастополь» и «Полтава», полностью непригодны к выходу в море для выполнения боевой задачи.

Главная причина подобного положения вещей кроется в крайне низком моральном уровне нижних чинов и плохой выучке всего экипажа линкоров, особенно в боевой стрельбе и грамотном исполнении своих прямых обязанностей в условиях боевого похода. Кроме того, многие из матросов перечисленных кораблей неохотно подчиняются приказам офицеров, хотя открытого противостояния членов команды, как это было ранее, нет, благодаря проведению своевременных чисток команд и удалению из них наиболее неблагонадежных лиц, запятнавших себя избиением и убийством офицеров весной этого года и членством в запрещенных политических партиях.

Такое же положение сохраняется и среди команд эскадренных броненосцев «Цесаревич», «Андрей Первозванный» и «Император Павел I». Экипажи двух последних броненосцев не имеют опыта боевых походов, поскольку были полностью заменены новым составом нижних чинов из Беломорской флотилии взамен прежних, которые под воздействием революционной агитации ранее совершили преступления против своих командиров и предстали перед военноплевым трибуналом. Несмотря на активно проводимую офицерами броненосцев воспитательную работу среди членов экипажа, нельзя полностью поручиться за невозможность возникновения новых матросских волнений.

Наиболее боеспособными по-прежнему являются корабли отряда эсминцев и миноносцев, базирующиеся в порту Ревеля. Военная контрразведка в экипажах кораблей провела минимальные замены среди составов команд лиц, скомпрометировавших себя преступлениями против офицеров. В большинстве своем матросы и офицеры кораблей действуют единой командой и готовы к продолжению боевых действий на море с началом навигации.

Для скорейшего выправления сложившегося положения дел на кораблях отряда броненосцев и линкоров проводятся постоянные учения с целью сплачивания экипажей и повышения боевого мастерства. Руководствуясь Вашей директивой от 14.09.1917, на командные должности кораблей броненосной эскадры мною были назначены лица из командного состава, умело показавшие себя в предыдущих морских операциях, в особенности в Моонзундском сражении.

В отношении возможных действий эскадры к началу навигации 1918 года могу уверенно сказать, что Балтийский флот продолжит проводить учения, с помощью которых повысит свою боеспособность и сможет вести полноценные оборонительные действия против сил противника по прорыву в заливы.

Также возможно возобновление активных набегов эсминцев и крейсеров на морские коммуникации противника и постановка мин в районе Ливавы, Пилау, Данцига и острова Готланд. Никакую более серьезную задачу Балтийский флот в своем нынешнем положении выполнять не может.

Капитан первого ранга А.М. Щастный

*Донесение в Ставку Верховного командования
от командующего Северным фронтом
генерала С. Л. Маркова
от 1 ноября 1917 г.
Секретно*

Имею честь доложить, что Ваш приказ за №... от 10.09.1917 года о скорейшем наведении порядка и восстановлении воинской дисциплины в армии и флоте в отношении частей и соединений Северного фронта полностью выполнен.

30 октября сего года проведена последняя операция по введению полного единоначалия в частях фронта. Против соединений Симбирского полка, чей солдатский комитет отказался подчиниться директивам Ставки Верховного командования о введении единоначалия, был привлечен корпус генерала Краснова из состава Петроградской армии генерал-лейтенанта Крымова. Продолжая игнорировать приказ о возобновлении единоначалия в военных частях, две недели назад полк самостоятельно покинул свои боевые позиции и отошел в тыл, закрепившись в районе деревни Святцы. После окружения деревни силами корпуса генерала Краснова, дезертирам был предъявлен ультиматум о немедленной сдаче оружия. Второй батальон, сразу выказав свое раскаяние и полное согласие подчинению приказам Ставки, сложил оружие. Первый и третий батальоны на ультиматум ответили отказом и немедленно взяли в заложники посланных к ним парламентариев.

В ответ на эти действия генерал Краснов отдал приказ двум батареям полевых орудий на немедленное открытие артиллерийского огня по местам дислокации мятежников осколочными снарядами. Обстрел продолжался двадцать минут, после чего батальоны были атакованы казаками и пехотинцами корпуса, которые заняли Святцы, не встречая серьезного сопротивления со стороны солдат. Согласно моему приказу, при подавлении сопротивления мятежников солдаты и казаки воздерживались от проявления излишней жестокости.

В результате усмирения в мятежных частях убито 147 человек и ранено 215. С нашей стороны потери составили: 7 человек убитыми и 19 ранеными. Сдавшиеся в плен солдаты батальонов, после проведения тщательного дознания военной контрразведкой на предмет виновности, были отправлены на переформирование в тыл.

Генерал С.Л. Марков

*Телеграмма в Ставку Верховного командования
от командующего Западным фронтом
генерала А. И. Деникина от 15 ноября 1917 года.*

Совершенно секретно.

Лично

На Ваш запрос от 7.11.1917 подтверждаю отправление из Быхова во Владимир спецпоезда с заключенными, прибывшими сюда из Киева. Все они, ранее арестованные генералом Келлером Ф.А., украинские сепаратисты во главе с гетманом Скоропадским, члены его кабинета и депутаты самопровозглашенной украинской Рады общим числом 74 человека. Поезд усиленно охраняется специальным конвоем, который имеет четкую инструкцию об уничтожении заключенных в случае возникновения попыток их освобождения сторонниками, как это имело место на Николаевской железной дороге с арестованными в Петрограде членами РСДРП: Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Свердловым, Малиновским и Урицким. Все арестанты, лично мною, извещены об этой трагической попытке, когда перевозимые большевики все были уничтожены охраной.

В ходе пребывания в Быховской тюрьме многие из украинских сепаратистов дали признательные показания о своем сотрудничестве с иностранными разведками. Особо обращаю Ваше внимание на то, что кроме германской стороны на предательскую деятельность их подталкивали секретные представители английской военной миссии в России.

Деникин

*Телеграмма из Ставки Верховного командования
генерал-губернатору города Николаева*

*В. С. Сидорину.
5 декабря 1917 года.
Секретно.*

Лично

Очень прошу Вас лично заняться незамедлительным ускорением важного государственного дела по скорейшему завершению строительства на заводских верфях линкора, заложенного под именем «Император Николай I». Все, ранее запрошенные Вами у правительства суммы для полной доводки корабля будут незамедлительно выделены в течение ближайших двух недель. Очень рассчитываю на Ваше усердие в столь важном для страны вопросе и, надеюсь, что к апрелю – маю следующего года линкор сможет начать ходовые испытания.

Корнилов

*Телеграмма из Ставки Верховного командования
командующему Черноморским флотом
вице-адмиралу А. В. Колчаку.*

Севастополь.

5 декабря 1917 года.

Секретно.

Лично

Милостивый государь, Александр Васильевич.

Я очень недоволен Вашим рапортом относительно хода восстановительных работ на линкоре «Императрица Мария». Состояние дела нахожу крайне запущенным и предполагаемые сроки ввода линкора в строй считаю преступно недопустимыми. Для ускорения работ сегодня днём в Севастополь отправлена специальная комиссия во главе с академиком Крыловым, которая должна помочь Вам в исправлении сложившегося положения в кратчайшие сроки. Всю личную ответственность за ввод корабля в состав флота возлагаю на капитана первого ранга Е. А. Бернса, временно назначенного Вами командиром линкора, которому даны неограниченные права в деле восстановления корабля.

Корнилов

*Из письма офицера Черноморского флота
в Ставку Верховного командования
генералу Корнилову
от 15 сентября 1917 года*

<...>Для скорейшего восстановления исторической справедливости, от имени морского собрания Севастополя, просим Ваше превосходительство о возвращении кораблям русского флота их первичных героических имен, утраченных в результате злобных происков революционных демократов. Чем скорее это позорное пятно будет смыто со страниц истории нашего флота, тем быстрее восстановится порядок в наших пошатнувшихся рядах.

По поручению собрания мичман Тришкин.

Резолюция рукой Корнилова: Быть посему.

*Телеграмма из Ставки Верховного командования
в Тобольск*

специальному представителю правительства

А. Н. Яковлеву. 14 декабря 1917 года.

Секретно.

Лично

На Ваш недавний запрос о возможности изменения местопребывания бывшего императора Николая Романова и членов его семьи, в частности перевода арестованных в европейскую половину России, предположительно в г. Казань или другие города Поволжья, должен ответить самым решительным и категорическим отказом. Внутреннее положение страны продолжает оставаться очень нестабильным, и возвращение бывшего царя может дать толчок к различным эксцессам, что сейчас крайне нежелательно.

Объясните в самой тактичной форме бывшему императору, что возможный переезд из Тобольска подвергнет большому риску его жизнь и жизнь всех членов семьи, поскольку из достоверных данных контрразведки известно о наличии у левых эсеров планов насильственного уничтожения царской семьи. Передайте также, что посол Великобритании в России ответил повторным отказом на просьбу Романова о предоставлении ему и его семье политического убежища на территории Британской империи.

Корнилов

Глава II

Думы о грядущем

Поезд Верховного командующего представлял собой последнее достижение науки и техники начала XX века. Для непрерывного сообщения с любой точкой страны и мира в распоряжении генерала Корнилова имелись две мощные радиостанции (одна действующая, другая запасная) и специально оборудованный вагон с мощными, быстропередающими телеграфными аппаратами, которые непрерывно стрекотали своими внутренностями, принося главкомверху сообщения со всей территории необъятной страны.

Рядом с ним располагался штабной вагон, в котором проводились большие совещания главкомверха с командующими фронтами, армий и корпусов. Основным же рабочим местом и местом для личных встреч Корнилова был вагон-кабинет, который главкомверх делил вместе с начальником своего штаба генералом Духониным. Оба довольствовались скромными спальными купе, полностью отдавая предпочтение рабочим кабинетам, в которых и проводили почти всё свое время.

Николай Николаевич Духонин был лично приглашен Корниловым на место генерала Алексеева, которого главкомверх упросил принять всю гражданскую власть на европейской части страны, дабы тот мог полностью контролировать все военные поставки на фронт.

Местом своего пребывания Алексеев избрал Москву, справедливо полагая, что первопрестольная столица является главным центром всех сплетений железных и прочих дорог и из неё проще контролировать движение всех военных грузов. Кроме этого, главкомверх и Алексеев рассматривали Москву как город, в который в случае явной угрозы Петрограду со стороны германских войск или флота можно было перевести столицу государства. Вместе с генералом в первопрестольной находился и Борис Савинков, на которого Корнилов возложил обязанности министра внутренних дел, передав в руки бывшего бомбиста всю борьбу с подрывным элементом.

Также состав включал в себя: вагон со штабными офицерами, вагон-ресторан, где столовались все пассажиры литерного (на этом особо настоял Корнилов, не желавший отделять себя от своих солдат и офицеров), вагон обслуживающего персонала и два вагона конвоя. Всё это венчала шестидюймовая гаубица, расположенная перед локомотивом, и платформа с зенитными пулеметами в конце состава. С таким вооружением литерный поезд главкомверха мог свободно справиться как с сухопутной угрозой, так и с воздушной, в лице германских аэропланов и дирижаблей.

Душой команды поезда был, несомненно, начальник штаба Ставки Николай Николаевич Духонин. От природы он обладал кипучей энергией и вместе с тем холодным рассудком, что выгодно отличало его от всех остальных фронтовиков-генералов, которых знал Корнилов. Он всегда энергично брался за решение поставленной перед ним задачи и, как правило, успешно решал их, благодаря умелому сочетанию своих внутренних качеств. Выше среднего роста, он имел волевое лицо, украшенное густыми черными усами и аккуратно подстриженной бородкой. Начиная свой день в кабинете, он, как правило, там же и заканчивал его, делая небольшие перерывы для разработки своих рук, которые из-за нарушения кровообращения в кистях постоянно зябли.

Назначение Духонина на должность начальника штаба Ставки вначале многие штабные деятели расценивали как временное явление, стараясь объяснить это каким-то капризом Верховного командующего, не совсем хорошо успевшего познать деловые качества прочих сотрудников Ставки. Сдавший свой пост Духонину генерал Алексеев тоже не был в особом восторге от такого выбора, но время показало правильность решения Корнилова.

Свое первое боевое крещение как самостоятельный стратег Духонин получил в октябре месяце. Тогда германский Генеральный штаб, для поднятия боевого духа в рядах германских солдат и матросов, решил закрепить свое удачное наступление в Прибалтике новой наступательной операцией, целью которой являлся захват островов Моонзундского архипелага. В случае удачи немцы полностью закреплялись в Ирбенах, вытесняли находившиеся там русские корабли и создавали прекрасный плацдарм к вторжению в Эстляндию с кратчайшим выходом к Петрограду.

Для выполнения этого смелого замысла немцы имели очень хорошие шансы. Большой флот англичан под командованием адмирала Джеллико полностью бездействовал в Северном море, что позволило Флоту открытой воды беспрепятственно перевести на Балтику свои главные силы: эскадры линкоров и линейных крейсеров. Помимо того в Гельсингфорсе на базе линейных кораблей Балтфлота по-прежнему царила полная анархия, ликвидировать которую Корнилов ещё не успел. Матросские комитеты митинговали, принимали одну резолюцию за другой, но воевать не желали.

По сути дела, в октябре 1917 года германский Генеральный штаб повторял план своей операции 1915 года по прорыву в Ирбены, но только с большим размахом. Для десантирования на Эзель была выделена усиленная пехотная дивизия, которая была дополнена кавалерией, мотоциклистами и огнемётчиками. Общая численность десанта составляла 23 тысячи человек, 500 лошадей и большое количество снаряжения.

На штурм укреплений Моонзунда немцы бросили более двух третей всего флота, поручив командование собранными силами вице-адмиралу Шмидту, командующему 1-й эскадрой. В помощь ему был создан особый штаб, состоящий из офицеров штаба флота и Адмирал-штаба во главе с капитаном цур зее фон Левецом, который вместе со Шмидтом разместился на линейном крейсере «Мольтке».

Под командованием Шмидта также находилась эскадра адмирала Бенке в составе пяти линкоров: «Кёниг», «Байерн», «Гросс Курфюрст», «Кронпринц», «Маркграф», эскадра адмирала Сушона в составе пяти линейных кораблей: «Фридрих Великий», «Кёниг Альберт», «Кайзерин», «Принц-регент Луитпольд», «Кайзер» и две эскадры лёгких крейсеров адмирала Рейтера и адмирала Гопмана. Кроме этого, была создана эскадра миноносцев и тральщиков под командованием коммодора Генриха.

Всего для операции «Альбион» было привлечено более трёхсот кораблей германского флота, 6 дирижаблей и около ста самолетов. Для занятия островов были выделены двенадцать пароходов, которые были уже собраны в Либаве.

О готовящейся на Балтике операции Ставка Верховного командования заблаговременно была информирована через агентурную сеть в Данциге и Либаве и заранее запросила помощи у англичан, но главный флагман Флота открытой воды Джеллико отписался лишь одними туманными обещаниями.

Операция вторжения началась 12 октября, когда, имея на руках похищенные в Гельсингфорсе кальки с русских минных полей, немецкие тральщики под прикрытием линейных кораблей расчистили место высадки своего десанта на остров Эзель. Два германских линкора – «Байерн» и «Гросс Курфюрст» – наскочили на мины, но это не помешало им поддержать огнем высадку десанта. Русские пехотные части не оказали немцам даже видимого сопротивления, стремительно отступив в глубь острова.

Высадившийся десант немедленно разделился на две части и устремился к Аренсбургу для подавления церельской батареи и к Орисару, чтобы занять дамбу на острове Моон.

Этот день для немецкого командования закончился на мажорной ноте, всё складывалось именно так, как планировалось в кабинетах высокого штаба. Правда, русские эсминцы, под командованием адмирала Старка, предотвратили прорыв германских тральщиков на Кассар-

ский плес, но успешная высадка десанта полностью сводила на нет этот досадный ляп моряков commodора Генриха. Дальнейший исход операции ничуть не вызывал сомнения в ставке кайзера.

Однако храбрость и героизм простых русских моряков, а также грамотные действия нового начальника штаба Ставки не позволили германской военной машине гладко прокатиться по запланированному в германском штабе пути. Едва лётчики морской разведки, базирующиеся под Ревелем, донесли в Ставку о числе вымпелов немецкой эскадры и начале высадки вражеского десанта на Эзеле, как генерал Духонин предпринял самые энергичные меры. Первым делом он вызвал к себе представителя английской военной миссии в Ставке и потребовал от рыжеволосого англосакса оказания немедленной помощи русскому флоту со стороны союзников. Начштаба ожидал скорейшего выхода кораблей англичан к берегам Германии, а в качестве первого шага – отдачи приказа о выходе на перехват германской эскадры английских подводных лодок, базировавшихся в балтийских портах. Начальник штаба не жалел чёрной краски, описывая слабость русской флотилии для отпора германскому наступлению, конечной целью которого, из слов генерала, было занятие Питера и принуждение России к подписанию капитуляции перед Германией.

В заключение своей речи Николай Николаевич упомянул, что в случае не оказания России военной помощи от союзников он рассматривает это как прямое нарушение союзнических обязательств Англии перед Россией. Подобный тон очень задел гордого представителя британской миссии, однако развернутая перед ним угрожающая картина заставила его отложить на потом обучение русского генерала уважению к британской короне. Он пообещал немедленно проинформировать свое правительство и дать ответ в течение суток. Не ограничившись только беседой с главой военной миссии, Духонин дал телеграмму на базу английских подлодок с требованием скорейшего выхода к Моонзунду и исполнения союзнического долга против германского флота.

За время ведения переговоров с англичанами в Ставку поступало одно тревожное сообщение за другим. Из-за конфликта в экипаже минного отряда подал в отставку адмирал Бахирев, адмирал Владиславлев затягивал выход в море русских подлодок из Куйависто, а оставшийся вместо Бахирева Старк в бой не особо рвался. Вдобавок к этой безрадостной картине адмирал Свешников, под чьим командованием были сухопутные войска на Эзеле, засыпал ставку паническими телеграммами, ясно давая понять, что долго гарнизон острова не продержится.

Кризис руководства стал очевидным к концу 13 октября, когда немецкий десант занял центр острова и выдвинулся к базе эсминцев в Аренсбурге. Адмирал Свешников срочно заболел и обратился в Ставку за разрешением покинуть свой штаб, передав все полномочия генералу Иванову. В ответ на эти новости Духонин незамедлительно произвел замену командования, выдвинув на первые посты молодых и энергичных командиров. Вместо порядком уставших от войны адмиралов командиром всех морских сил в районе Моонзунда был назначен капитан первого ранга Щастный. Едва получив приказ Ставки, он отбыл к Моонзунду из Ревеля на простом миноносце, желая, как можно скорее вступить в командование.

Вслед за ним из Эстляндии на острова в срочном порядке были переброшены части Ингерманландского полка под командованием полковника Я. А. Слащёва, за плечами которого были три года фронта, пять ранений и Георгиевское оружие за храбрость. Он давно был на примете у Духонина, и вот теперь этот знающий командир был брошен в прорыв, имея на руках поистине диктаторские полномочия.

Находившийся в то время в Петрограде Корнилов полностью одобрил действия своего протеже, в свою очередь, незамедлительно встретившись с английским послом, и попросил напомнить морскому министру Черчиллю о его обещаниях помощи флота его величества короля Георга V.

На третий день операции, 14 октября, немцы вышли к перешейку Сворбы, где окопались части Козельского полка, которые своими штыками временно прикрыли тылы Цереля, с его мощной морской батареей, закрывавшей проход германскому флоту в Ирбены. В течение дня она сначала обстреливала германские тральщики, пытавшиеся расчистить проход в минных полях для главных сил германского флота, а затем вела огненную дуэль с тремя крейсерами противника. Вскоре к ним присоединились линкоры адмирала Сушона: «Кайзерин», «Кёниг Альберт» и «Фридрих Великий», но церельцы устояли. Вступив в дуэль с врагом, артиллеристы Цереля добились попадания в головной линкор «Фридрих Великий», после чего Сушон поспешил вывести свои корабли из-под огня русских батарей, не выполнив своей задачи.

Намеченный долгожданный прорыв в Ирбены не состоялся, и могучие корабли застыли на якорях в ожидании помощи со стороны сухопутных частей, которые к тому времени заняли Аренсбург. Десантный корпус добивал в лесах остатки сил под командованием генерала Иванова, отчаянно пытавшихся остановить противника своими решительными контратаками.

Этот день вновь был в активе германского экспедиционного корпуса, но уже сдвинулись с места и начали вертеться шестерёнки механизма, который должен был остановить врага. Прибывший в Моонзунд капитан первого ранга Щастный сразу начал действовать инициативно, решительно отказавшись от пассивного отражения атак противника, перейдя к ответным активным действиям.

Его первым приказом было распоряжение о выходе в море трёх русских подлодок: «Пантеры», «Ягуара» и «Миноги» – для атаки немецких кораблей в районе Ирбен.

– Надеюсь, что вы до конца выполните свой долг перед Родиной! – так заканчивалась его телеграмма к подводникам. У моряков-балтийцев не было большого опыта подводной войны, но, в отличие от англичан, они храбро выступили против врага.

Вслед за ними на Кассарский плес был направлен минзаг для постановки новых мин в фарватере пролива под прикрытием двух эсминцев, а к Сворбе был выслан отряд эсминцев для помощи козельцам на перешейке. Вместе с ними был отправлен броненосец «Цесаревич», который до этого времени вместе со «Славой» стоял у Орисарской дамбы, готовясь отразить наступление германского корпуса на Моон.

Туда же вечером 14 октября прибыл и полковник Слещёв во главе передового батальона своего полка, который силой оружия остановил поток отступающих солдат эзельского гарнизона. Выставив у дамбы два пулемета, под прикрытием орудий «Славы», Яков Александрович жестокой рукой наводил порядок утром следующего дня. В шинели без погон, с кольцом в руке, он лично останавливал отступающих солдат и приказывал им занять оборону перед дамбой. Особо рьяных беглецов Слещёв приказал расстрелять, что очень отрезвляюще подействовало на остальных.

Несколько раз в него пытались стрелять, но каждый раз неудачно, что только укрепляло вокруг него ореол неуязвимости у простых солдат. Остановленные и пристыженные Слещёвым, заняв оборону дамбы, в скором времени они сами принялись останавливать беглецов, угрожая оружием. Ещё больше боевой дух солдат полковника Слещёва укрепился после столкновения с передовыми силами десантного корпуса, попытавшегося прорваться через дамбу.

Отряд мотоциклистов, с ходу атаковавший предмостовые укрепления, был буквально сметён огнем пулеметной засады, грамотно выставленной на подходе к дамбе. Пехотинцы эзельского гарнизона сами устремились добивать уцелевших солдат противника и захватывать мотоциклы в качестве трофеев. С большим трудом полковнику удалось найти уцелевшего унтер-офицера, который немедленно подвергся допросу и дал объективную картину происходящего. Через час на дамбу с воздуха обрушилась армада немецких цеппелинов под прикрытием «фоккеров», которые стремились бомбёжкой и непрерывным огнем отомстить русским за гибель своего авангарда.

Окрыленные своим успехом и воодушевленные Слащевым, вчерашние беглецы уже выглядели орлами и вместе с ингерманландцами принялись отбивать воздушную атаку винтовочными залпами и из станковых пулеметов, временно установленных на полувертикальную раму. Итогом их дружной стрельбы стал сбитый самолет и дирижабль противника, который вначале стал стремительно уходить в сторону моря, а затем полыхнул там ярким взрывом.

Когда во второй половине дня вражеский десант предпринял новую атаку под прикрытием артиллерии, то, к своему удивлению, получил мощный ответ от прибывших к дамбе двух батарей полевых гаубиц и пушек «Славы», с которой предприимчивый Слащев наладил связь с помощью визуального семафора. Кроме этого, полковник получил данные воздушной разведки с указанием расположения вражеских орудий. Понеся чувствительные потери за один день, немецкий авангард отступил в глубь Эзеля, срочно запросив помощь от основных сил.

Однако главное сражение в тот день развернулось у Цереля. Здесь артиллеристы морской батареи своей точной стрельбой опять не дали возможность поработать германским тральщикам, пытавшимся в который раз открыть проход в Ирбены своим основным силам. Стремясь окончательно разделаться с ненавистной батареей, Гохзеефлотте обрушил на неё шквальный огонь из орудий линкоров «Кёниг» и «Кронпринц», снаряды которых, к большой радости русских, ложились в стороне от батареи. Огонь Цереля был более результативным, комендоры быстро пристрелялись к линкорам противника, заставляя их постоянно маневрировать.

Затем в борьбу с тральщиками противника вступили канонерки и эсминцы минного отряда Старка, которых на позиции возле Сворбе сменил «Цесаревич». Броненосец своим огнём помог козельцам отразить несколько атак противника, стремившегося скорее выйти к батареям Цереля с тыла. Появление своих кораблей подняло пошатнувшийся дух защитников Сворбе, которые поклялись стоять насмерть, но не пропустить врага.

Желая поскорее войти в Ирбены, адмирал Шмидт бросил в помощь линкорам, обстреливающим Церель, ещё два линкора – «Маркграф» и «Байерн» вместе с крейсерами «Кольбергом», «Страсбургом» и «Аугсбургом», под командованием адмирала Гопмана. «Байерн» меньше «Гросс Курфюрста» пострадал от русских мин у Даго и поэтому смог присоединиться к дуэли против батареи Цереля.

Именно «Байерн» получил два прямых попадания от церельцев через двадцать минут после своего появления на поле боя. Спасая невезучий линкор, на котором начался пожар в машинном отделении, и открылась старая течь, эсминцы сопровождения поспешили поставить дымовую завесу, надежно скрыв его от взора русских корректировщиков. К тому времени у церельцев вели огонь только два орудия: одно было разбито прямым попаданием, а у второго побита прислуга. Однако, несмотря ни на что, Церель продолжал вести свой огонь, стремясь в своем последнем бою нанести как можно больший ущерб ненавистному врагу.

В тот день подлинными героями германского флота открытой воды были тральщики. Несмотря на сильный огонь русских кораблей и гибель двух своих товарищей от огня Цереля, они сумели пробить проход в минных позициях русских. Получив долгожданное сообщение, адмирал Шмидт отдал приказ на прорыв, и в Ирбены устремилась потрепанная эскадра Бенке. Казалось, наконец-то настал тот долгожданный момент, ради которого было потрачено столько сил и жертв. В чистые воды Ирбен устремились миноносцы и крейсера Гопмана, но в этот момент судьба преподнесла им неприятный сюрприз.

Три русские подлодки поджидали здесь свою добычу, которая в этот момент утратила чувство опасности. Затаившись на перископной глубине, две из них атаковали шедший головным крейсер «Аугсбург», который не смог уклониться от пущенных в него русских торпед и, получив попадание в бок, стал стремительно тонуть на глазах у всей эскадры. Идущие за ним «Страсбург» и «Кольберг» стали выполнять противолодочный маневр, в результате которого последний наскочил на непротраленную русскую мину, угодившую прямо под его винты.

Потрясший крейсер взрыв повредил лопасти винтов, заклинил руль, сделав его удобной мишенью для русских пушек.

В довершение ко всему третья подлодка попыталась атаковать шедший вслед за крейсерами в прорыв «Кёниг», но неудачно. Торпеда прошла вблизи корабля, вызвав на его борту большую панику. Линкор стал неуклюже маневрировать в окружении своры миноносцев, пытавшихся защитить его борта от возможных новых атак.

Не использовать столь кучное скопление кораблей противника было большой глупостью, и поэтому ещё уцелевшие орудия Цереля поспешили перенести свой огонь с линкоров на группу прорыва. Основной удар батареи пришелся на «Кёнига», русские снаряды всё ближе и ближе ложились к его бортам, вскоре линкор попал в вилку, и, не желая попасть под накрытие, корабль поспешил покинуть поле боя. Подошедшие крейсера «Баян» и «Диана» своим огнем заставили отступить германские эсминцы, успевшие прорваться в Ирбены до атаки подлодок.

Адмирал Шмидт ещё имел в своем распоряжении пару часов светлого времени для повторной попытки прохода в Ирбены. Ещё можно было послать в прорыв «Маркграфа» и «Кронпринца», подкрепив их линкорами Сушона, но неподдавленные пушки проклятого Цереля охладили воинственный пыл адмирала и его штаба. Не желая больше рисковать своими кораблями, Шмидт решил дожидаться уничтожения батареи противника сухопутными войсками или же, в случае необходимости, стереть батарею огнём с моря любой ценой.

Только с наступлением сумерек русские корабли смогли подойти к Церелю, затянутому густым дымом от многочисленных пожаров. Сошедшие на берег моряки сразу приступили к тушению огня, эвакуации раненых и помогли церельцам навести порядок на батарее. Её состояние было очень плачевным, среди орудийных расчетов было много раненых и убитых, боеприпасы подходили к концу, однако артиллеристы собирались стоять до конца, прося только об одном – защитить их тыл.

День 15 октября оказался поворотным пунктом в битве за Моонзунд. В этот день удача стала постепенно отворачиваться от немцев. Пока русские моряки и артиллеристы сдерживали врага в Ирбенах, Духонин и Корнилов повторно бомбардировали англичан телеграммами, напоминая им об их союзном долге в этой войне. Холодность тона посланий Верховного правителя сделала свое дело: озабоченный Черчилль поспешил надавить на Джеллико, и тот, скрипя зубами, отдал приказ Флоту большой воды покинуть свои базы для атаки базы подводных лодок в Вильгельмсгафене и ангаров цеппелинов на побережье, доставлявших англичанам серьезные хлопоты.

Вслед за этим приказом Джеллико наконец-то позволил английским подлодкам Балтики участвовать в сражении за Моонзунд.

Поздно ночью, понукаемые Корниловым, покинули свои стенки в Гельсингфорсе русские «Гангут» и «Петропавловск» в сопровождении «Андрея Первозванного» и «Императора Павла». Конечно, об их участии в бою не могло быть и речи, в связи с низкой боеспособностью команд, но Щастный настоял на имитационном походе в Ревель, желая оттянуть на себя хоть часть сил врага. Об их истинном курсе капитаны кораблей узнали уже в море, вскрыв особые пакеты, доставленные на борт судов перед самым выходом. Подобная секретность была просто необходима, поскольку Маннергейм способствовал утечке информации о выходе линкоров агентам германской разведки, которые поспешили известить об этом Берлин.

Все эти действия свели на нет планы Гохзеефлотте на 16 октября, когда «Кёниг», «Кронпринц», «Маркграф» и «Кайзерин» вместе с крейсерами и миноносцами в 10 часов устремились в Ирбены. Подобное решение Шмидта объяснялось активными действиями Слащёва, который ночью напал на немецкие пехотные части возле дамбы Сависара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.